

Андрей Дашков

Умри или исчезни!

*Ушедшим на ту сторону
с надеждой на снисхождение*

А.Д.

В поле не видно ни зги.

Кто-то зовет: «Помоги!»

Что я могу?

Сам я и беден и мал,

Сам я смертельно устал,

Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:

«Брат мой, приблизься ко мне!

Легче вдвоем.

Если не сможем идти,

Вместе умрем на пути,

Вместе умрем!»

Федор Сологуб

Поэтому пугаете напрасно

Тем, что миры безмерны и безгласны

И небеса мертвы. Здесь, за дверьми,

Пространства столь же пусты и ужасны.*

Роберт Фрост. Пространства

*** Перевод В. Топорова.**

ПРОЛОГ

ПОГРУЖЕНИЕ

Рано или поздно почти у каждого человека возникает впечатление, что весь мир сошел с ума. Вы то и дело слышите о чудовищных преступлениях, которые кажутся бессмысленными, о кровавом терроре, радиоактивном заражении и о тысячах людей, медленно умирающих от лейкоза. Из утренних новостей вы узнаете о взрывах поездов, отрезанных головах и вспоротых животах беременных женщин, о том, что еще пять сотен восемнадцатилетних солдат стали вчера пушечным мясом... Юные матери душат младенцев или топят их в унитазе; инвалиды сгорают заживо; дети гибнут под колесами грузовиков... Кто-то невидимый дергает за веревочки, и кого-то выбрасывают из окна; кому-то всаживают пулю в голову; чьи-то грязные и мясистые пальцы касаются красивого и нежного, оставляя жирное пятно... Кое-что можно объяснить проявлениями инстинкта самосохранения или плохой наследственностью. Успокаивает, не правда ли? Психушки переполнены, однако вокруг слишком много агрессии и суицида... Добропорядочные отцы семейств оказываются насильниками и убийцами малолетних, а милая пара пенсионеров — каннибалами, предпочитающими всему остальному

нежное мясо школьников... На вокзалах находят трупы бездомных, замерзших минувшей ночью... Все это еще очень далеко от вас и даже не вызывает содрогания.

Тихий бедный человек из соседнего подъезда. Он оказался в неподходящем месте в неподходящее время, и его убили, выпив затем над телом бутылку «Столичной». Сорок ножевых ран... Внимание! Ваш страх должен напомнить вам о чем-то, но вы еще не знаете — о чем. Приближается что-то жуткое. Оно ближе и ближе. Вы — как слепой котенок на маленьком острове, а вода все прибывает. Это означает удушье и холодную мокрую смерть...

Кто-то изнасиловал вашу тринадцатилетнюю дочь. «Незапятнанная чистота, святая невинность» — звучит высокопарно, согласны? Слова из другого столетия или из романтических книг. Впрочем, дело не в этом. Вами овладевает депрессия. Ваша жизнь необратимо меняется. Что-то сломалось внутри и никогда не будет прежним. Часы еще идут, но они лишь отсчитывают время до наступления сумерек в сознании... Теперь уже постоянная боль не дает вам уснуть. Откуда пришло это нечеловеческое зло? Вам казалось, что его раньше не было здесь. Боль, боль, разрывающая сердце... Как долго можно жить с этим?..

Ваши запасы амитриптилина стремительно

убывают, но прием психотропных средств означает, что ваш мозг превращается в адскую машинку. Вы думаете, что в нем уже поселились химеры? Они всегда были там.

Потом — в лучшем случае — оказывается, что все это было ночным кошмаром, сном, оставившим тяжелый осадок. Возникает искушение приоткрыть раковину. Неужели начинается белая полоса? Кто-то дразнит вас любовью. Ваш дом наполнен солнечным светом или ласковой бархатной тьмой... Но будьте осторожны! Может быть, сейчас, в эту самую минуту, когда вы спокойно лежите в своей постели, слушая, как Джо Кокер поет «Night Calls», ваш двойник, ваше настоящее «я» в другом мире стремительно приближается к смерти. Его секунды сочтены. Жернова неведомой судьбы уже начали неумолимо вращаться...

Все, что вы можете, — это плакать от бессилия или кричать от боли. Поздно. Прежде чем вы умрете, вас ожидает непрерывное страдание. Такова цена неведения. Зло приходит с изнанки жизни...

Ваш двойник бредет за вами по темной стороне улицы, и если он будет раздавлен чем-то неопишным, знайте — пришел и ваш черед. Это просто, как все непостижимое. Те, кто принимает это как должное, гибнут молча и, может быть,

рождаются вновь. Есть такие, которые умирают, недоумевая. Они с удовольствием пожили бы еще. Они думали, что это зависит от них хоть в малейшей степени. Примерно такую же самонадеянность проявляют коровы, которых ведут на убой...

Но есть и те, кто по неизвестной причине получил возможность заглянуть в мир вечных сумерек и окунуться в теплые течения жизни и ледяные течения смерти. За страшное знание приходится дорого платить. Ветер ужаса непрерывно дует из темноты, отделяя волосы на голове друг от друга.

Все нижеследующее написано для тех, кто не боится испортить прическу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МГЛА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Он передвигался от острова к острову — усталый беглец с ужасающей судьбой, обреченный большую часть жизни скитаться во мраке чужих пространств, — и очень хорошо знал, что от людей герцога не следует ждать пощады. На самом деле его враг не был герцогом, а слуги врага не были

людьми и, вероятно, даже не были живыми, но такими они иногда снились человеку, а беглец любил это жалкое, потерянное и такое одинокое создание, обитавшее в одном из микроскопических мирков, полном иллюзий вроде материи, звезд, планет, времени... Человек был почти так же одинок, как сам беглец, но большего двуногий и не выдержал бы...

Человек был крайне ограничен; союзники и враги представлялись ему людьми или по крайней мере существами. Источники силы он воспринимал как нечто вещественное, например, как деньги, стены, амулеты, озера или леса; течения, увлекавшие к худшему, казались ему интригами, а редкие островки благополучия — случайностью.

Беглец вынужден был признать, что жизнь двуногого расцвечена великим множеством декораций. Его истинный ландшафт был куда проще и куда страшнее: мир без Солнца и Луны, верха и низа, пустоты и наполненности... Иногда, вторгаясь в человеческие сновидения, беглец представлял себе черную равнину, уходящую в бесконечность, а над равниной — кровавую рану заката в грозových облаках. Как ни странно, в ней была сосредоточена его неутоленная жажда покоя... И все же он был суровой и сильной тварью, гораздо более сильной и опасной, чем человек. Такими же были его враги.

Вот почему люди иногда пытались продать им свои души.

То существо, его бледная тень, так страдало от неизвестности, бесплодных надежд и противоречивых желаний, так раздражало беглеца своей амбициозностью, что временами он надолго бросал его, но затем прощал ему все, ибо неведение считалось не самым большим грехом. Для беглеца жизнь всегда была непрерывной энергетической войной против враждебного и непостижимого окружения, а существа вроде герцога являлись его неотъемлемой частью. Все очень просто: игра имела одно-единственное правило — продержаться как можно дольше. Поиски смысла лишь уменьшали шансы. Поиски спасения уменьшали их до нуля...

Беглец не испытывал ненависти даже к своему злейшему врагу — герцогу, ведь благодаря врагам никто не мог рассчитывать ни на божественную власть, ни на вечную жизнь.

Ирония, заключенная в двойственности существования, всегда забавляла беглеца. И хотя он знал многих, кто непроницаемым щитом отгородился от своих ничтожных союзников, сам беглец был готов прийти на помощь двуногому.

Когда-то он позволил себе проникнуть в человеческие сны...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Седой лежал и смотрел, как сгущаются ранние зимние сумерки. Его руки мелко дрожали, а сухость во рту была вызвана отнюдь не жаждой. Через окно в комнату, пропахшую красками и пылью, медленно вливалась тьма. Прошел час, и беззвездное небо стало похожим на плоский лист картона, покрашенный черным.

Однокомнатная квартира Седого находилась на последнем этаже шестнадцатиэтажного дома; две ее стены были наружными, и в ветреные дни ему иногда казалось, что он живет в ветхом гнезде, прилепившемся к ветке гигантского дерева. Сейчас это дерево остервенело раскачивал ледяной февральский ветер. Но Седой знал, откуда исходит настоящее зло.

Он покосился на картину, которую закончил две недели назад. Теперь он твердо решил избавиться от нее, если только уже не было поздно. Во всяком случае, она убила в нем что-то. С того момента как Седой положил на холст последний мазок, он не мог работать. Ее странное влияние опустошало его, а бездеятельность наполняла страхом. Словно мертвый, но все еще ядовитый цветок, картина отравляла воздух, искажала своим присутствием пространство, выворачивала вовне свое темное двухмерное чрево.

Седой написал ее за одну ночь в каком-то угаре, похожем на сильное алкогольное опьянение. Она воплощала в себе навязчивый ночной кошмар — проклятие всей его взрослой жизни. Таким образом он надеялся избавиться от него, однако кошмар стал вещественным и сосредоточился в прямоугольной луже краски.

Он старался не думать о Лунном Человеке — это был совсем другой страх, родом из грязно-розового детства, — но его Седой даже не пытался писать. Ни одна картина не могла передать полузабытого леденящего ужаса. Тот кошмар был невоспроизводим...

Выставка явилась бы удобным случаем избавиться от собственного творения. Седой слабо верил в то, что она действительно состоится. Ждать осталось недолго. Он решил, что сожжет картину, если не сможет ее продать. Почему-то ему казалось, что уничтожение холста не освободит его сознание от липкой паутины, однако новый хозяин примет на себя и его проклятие.

Мысль об этом наконец позволила Седому заснуть. Темнота опустилась, как занавес, а потом он снова увидел свою комнату при очень слабом лиловом свете, только непонятно было, откуда исходит этот свет. Седой ощутил чье-то присутствие, но еще не успел испугаться. Чернело окно, и на его фоне белела рама — половина креста.

Темно-фиолетовые стены и потолок поблескивали, как будто были покрыты влагой. Во сне комната стала длиннее, превратилась в суживающийся коридор, а в конце коридора оказалось кресло, стоявшее в углу рядом с окном.

В кресле кто-то сидел — вначале Седой видел только неясный силуэт. Потом знание, не имевшее источника, разлилось внутри него подобно жидкому льду. Это была его мать, умершая восемь лет назад.

Он увидел ее ничего не выражавшее, желтое, сморщенное лицо. Такой она лежала в гробу, и такой он ее запомнил. Сейчас она была одета в черное, а на голову натянут островерхий капюшон, из-под которого выбивались пряди лилово-белых волос.

— Иди ко мне! — позвала мертвая женщина, и Седой подчинился, потому что пытка неподвижностью оказалась еще страшнее видения. Ее голос не был вибрацией воздуха — скорее атрибутом сна, призраком из той же самой подсознательной могилы.

Он поднялся с заскрипевшей кровати и сделал несколько шагов по направлению к креслу. Даже самые незначительные детали — запахи, предметы, звуки — были ужасающе реальны. Холодные грабли прогуливались по его внутренностям. Конечности цепенели, размягчались, превращались

в податливую вату...

За три шага до кресла он остановился, потому что уже не мог двигаться.

«КУДА ТЫ ЗОВЕШЬ МЕНЯ, МАМА?!...»

Его нос уловил сладковатый запах смерти. В тусклых глазах матери не было ни ласки, ни сожаления, ни осуждения.

— Иди ко мне... — снова прошелестел бесплотный голос с невероятной и безнадежной мукой.

Седой моргнул. Слезы застилали глаза.

«ВО ЧТО ТЫ ИГРАЕШЬ СО МНОЙ, МАМА? МНЕ СЛИШКОМ ПЛОХО...»

Он потерял мать всего лишь на мгновение. Его веки сомкнулись, разомкнулись, и он тихо заскулил от животного страха.

Лицо сидевшего в кресле существа уже не было лицом его матери. Он увидел голову, рыхлую, как тесто, с глубокими провалами вместо глаз, зыбкой извилистой щелью рта и паутиной движущихся морщин — голову Лунного Человека. В детстве он называл его так, потому что лицо было круглым и мертвенно-белым, будто луна, но вовсе не по той причине, что на него падали лучи ночного

светила...

— Пусти меня к себе, — попросил атавистический кошмар, и Седой не заметил, как отчаяние повалило его на пол и вернуло в позу зародыша. Он услышал частый глухой стук — это билась о линолеум его голова — и почувствовал вкус крови, но не боль.

Неясная фигура потянулась к нему из кресла, накрыв своей тенью. Что-то тщетно пыталось прорваться сквозь твердую скорлупу его ужаса и наконец ушло, оставив Седого в центре крика, расходящегося в темноте подобно кругам на воде...

* * *

Спустя неделю он, пошатываясь, возвращался домой. Наступила оттепель. Мелкий ледяной дождь поливал его лысеющую голову, но Седому было жарко. Кроме того, его мутило. Он выпил слишком много дешевого портвейна. Таким образом он пытался отметить избавление от картины и участие в выставке, что еще недавно казалось чудом. Это была его первая выставка, которую он ждал без надежды половину своей сорокалетней жизни.

Седой давно понял, что проиграл. Он смирился с вечной неустроенностью, безденежьем, одиночеством... Его мать умерла в больнице. У него не было денег и связей, чтобы отсрочить ее

смерть. Задолго до этого их отношения безнадежно испортились. Мать не могла простить ему неудачи. Его картины были некоммерческими — слишком мрачными, слишком фантасмагорическими. Они не годились для офисов и контор; идеальным местом для них были бы убежища одиночек-мизантропов. Седой никому не говорил, что почти все свои картины видел во сне. Ему оставалось лишь воспроизвести их наяву, и он делал это с исключительной точностью...

Он продолжал работать даже тогда, когда работа оказалась совершенно бессмысленной. Живопись была единственным спасением от пустоты. В его квартире не было телевизора, почти не осталось мебели. Довольно часто он ложился спать голодным. Иногда он испытывал затруднения от того, что ему нечего было надеть. Он находился на самом дне...

Вдобавок ему часто снился один и тот же навязчивый и бессюжетный сон. Сон повторялся почти без изменений в течение многих лет по нескольку раз в месяц и в конце концов довел Седого до иступления...

Он жил на окраине Салтовки — огромной городской ночлежки, сочетавшей в себе уродство урбанизации со всеми прелестями «совкового» быта. Этот тоскливый лабиринт невозможно было обойти за неделю. Грязно-белые дома выстроились

длинными рядами надгробий; за светящимися окнами было иллюзорное тепло — на самом деле там гнездилась пустота. Металлические конструкции во дворах выглядели как скелеты доисторических животных, вымытые дождем из вечной мерзлоты. Черные корявые пальцы чахлых деревьев, высаженных наспех и уже никогда не поднявшихся, торчали вдоль тротуаров. Подростки, собиравшиеся в подозрительные и опасные стайки, слушали гангста-рэп и хохотали, как гиены («ДАВАЙ ПОСПОРИМ, ЧТО Я ОТКЛЮЧУ ТЕБЯ, ДЯДЯ!»). Люди возвращались домой, чтобы спрятаться, но мало кто из них задумывался над этим.

У Седого все было наоборот. Теперь он боялся того места, где его настигали сны. Поэтому последние несколько суток он почти и не спал. Маленькие иголки вонзались в глазные яблоки, заставляя веки смыкаться. В голове сгущался тяжелый туман — непроницаемый и малоподвижный.

В подъезде было темно и пусто. Как всегда, обильно благоухал мусоропровод. Рядом с дверью лифта имелись надписи «SEPULTURA», «Fuck me, Gosha!» и «Голосуйте за коммунистов!», сделанные с помощью пульверизатора. Если бы Седой был трезв или чувствовал себя получше, он обратил бы внимание на то, что в подъезде стоит неестественно

глубокая тишина. Не было слышно ни приглушенных голосов, ни звуков радио или телевизионных передач.

Сейчас ему больше всего хотелось подставить голову под струю холодной воды, а затем лечь. Он вошел в кабину лифта и начал возноситься в слабеющем сиянии светильника. При перегрузке Седому стало еще хуже; во рту появился горький привкус...

Вдруг лифт резко остановился на шестом этаже. Створки раздвинулись, и огромная бесплотная ладонь ужаса придавила Седого к пластиковой стенке.

На площадке стояла его мать, глядя в пустоту перед собой.

Пауза длилась несколько мгновений, но Седому они показались минутами. Потом мать вошла в кабину, двигаясь, как заведенная кукла, и кошмар опять был потрясающе правдоподобным.

В звенящей тишине и тошнотворно раскачивающемся ящике Седой протянул руку к той, которая была мертва уже восемь лет. Он прикоснулся к ее одежде, ощутил фактуру ткани, и это ощущение парализовало его.

«ЗАЧЕМ ТЫ ПРИХОДИШЬ, МАМА?»

Женщина безразлично смотрела на него; ее

зрачки были совершенно неподвижны. Створки двери захлопнулись за ее спиной, и кабина без всяких причин стала подниматься вверх. Свет внутри нее почти померк.

Крупные капли пота катились по лицу Седого. Каждая из них казалась ему ледяным шариком, который он мечтал проглотить, чтобы как-то заполнить отвратительную пустоту, образовавшуюся на месте желудка. Ни с чем не сравнимый запах вползал в его ноздри, и Седой понял, что вот-вот его вывернет наизнанку. В голове не было мыслей, он даже не пытался искать объяснений этому жуткому молчанию.

Кабина остановилась на пятнадцатом этаже. Мать вышла на безлюдную, плохо освещенную площадку. Седой успел заметить, что за окнами на лестнице тоже не было света. Темная фигура стала оборачиваться, чтобы бросить на него последний взгляд...

Седой ощутил, что его штанина увлажняется. Лунный человек протягивал к нему руку — сияющую кисть без ногтей и складок, будто отлитую из мягкого фарфора. В его пустые глазницы могли провалиться два шарика для пинг-понга. Потом его облик начал растворяться в липкой смеси пота и слез, залепившей глаза Седого.

«ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ, ТВАРЬ!!!»

Голова с неразличимыми чертами осталась висеть над лестницей, как маленький призрак луны. Несмотря на потрясение, Седому все же показалось, что непонятная сила хотела предупредить его о чем-то. Или увести за собой...

Совершенно не понимая, что делает, он нажал кнопку шестнадцатого этажа. Закрывшиеся створки отделили его от кошмара, и через секунду кабина лифта зависла между этажами. Светильник погас. Седой почувствовал себя погребенным заживо.

Но угрожающая тишина длилась недолго. Раздался скребущий звук, и пол дрогнул под его ногами. Это не было саморазрушением конструкции под тяжестью человеческого тела. Кто-то или что-то выламывало пол снизу...

В полной темноте Седой увидел фосфоресцирующие пальцы, торчавшие из щели между полом и стенками кабины. Каждый из них был раза в три толще его собственных. Четырехпалая ладонь с треском отогнула угол, и Седой заскользил к краю.

Он знал, что стенки гладкие и бесполезно пытаться схватиться за что-либо. Ломая ногти, он задел панель и вспомнил о кнопке вызова диспетчера. Упираясь одной ногой в стенку, он дотянулся до панели и принялся нажимать ВСЕ кнопки, но так и не услышал шипящего фона.

Вместо этого из динамика послышался уже знакомый ему голос и вполз в его уши вкрадчивым шепотом.

— Пусти меня... — попросила неопишуемая чернота, и Седой закричал, словно доведенный до отчаяния ребенок.

В это мгновение пол кабины провалился и рухнул в шахту глубиной около сорока метров. Вслед за ним сила тяжести неумолимо увлекла Седого. Его мокрые ладони заскользили по пластику, но были уже не в состоянии удержать налитое свинцом тело.

Отогнутый алюминиевый уголок разрезал пополам его лицо, выломал зубы и вырвал часть десны. Его крик захлебнулся после первого же удара о стену шахты. Звук падения оказался глухим и не соответствовал степени повреждения рваного кожаного мешка, наполненного кровью и поломанными костями, который когда-то был человеком.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В промозглый февральский день Максим Голиков вышел из дому и потащил свое одиночество к центру города в поисках спасения от дикой скуки, превращавшей жизнь в довольно болезненный процесс. Была суббота, и это

означало, что ему придется заполнить чем-нибудь несколько долгих часов, которые в будние дни он убивал на работе, общаясь с теми, кто был перемолот столь же беспощадно.

В голове еще бродили обрывки музыки. Тони Джо Уайт пел что-то вроде: «Я так устал от борьбы с собой...» Чувствуя радостную дрожь, пронзавшую его в унисон с гитарными рифами, Макс шагал по унылой харьковской улице под низким серым небом, поглядывал на встречных девочек и каждый раз решал сложную задачу: он выбирал ту, которая могла бы скрасить сегодняшний вечер, а может быть, и ночь. До сих пор результат его экспериментов всегда был разочаровывающим.

Бродячий пес какое-то время бежал рядом с Максом, помахивая хвостом, — видимо, признал в нем своего, но, скорее всего, просто хотел жрать. Впрочем, не сопровождал же он толстую бабу, тащившую в сумках горы розово-лиловой колбасной плоти...

Грачи рассадили на голых мокрых ветвях свои черные блестящие тушки с великолепными клювами, неизменно восхищавшими Макса. Он всегда считал, что с таким шестисантиметровым орудием убийства у них не должно быть проблем с питанием.

Впереди по тающим сугробам пробиралось в

гости счастливое стандартное семейство: он в спортивном костюме, кожаной куртке, норковой шапке — и его не менее оригинально одетая жена с огромным букетом роз в целлофановом саркофаге. Пятилетний отпрыск путался у предков под ногами, настойчиво бубня что-то о новом «картиже» для «Денди». Было видно, что про себя папа посылает его куда-то очень далеко отсюда, но открывать рот, похоже, уже устал. В общем и целом аура семейства была настолько серой, что Макс поспешил обогнать их, и этот маневр стоил ему мокрого пятна на штанине его пятисот первого «левиса». Тихо ругаясь матом, он приближался к входу в метро.

«...ТЕМНЫЙ ЗЕВ ПОДЗЕМНОГО ТРАНСПОРТНОГО БОГА! СКОЛЬКО РАЗ ТЫ ГЛОТАЛ МЕНЯ, ИЗВЕРГАЛ ОБРАТНО И СКОЛЬКО РАЗ ЕЩЕ ПРОГЛОТИШЬ? ПОЧЕМУ Я ТАК ДОВЕРЯЮ ТЕБЕ? ПОЧЕМУ ДАЖЕ ЛЕГКИЙ ХОЛОДОК НЕ ПРОБЕГАЕТ ПО МОЕЙ СПИНЕ, КОГДА Я БЕСПЕЧНО СПУСКАЮСЬ В ТВОИ ДЛИННЫЕ СВОДЧАТЫЕ МОГИЛЫ?..»

Голиков прошел вдоль цепи лотков в переходе, мимо трех нищих, одного безногого, продавца хлеба, столика с эротическими и экстремистскими журналами, киоска звукозаписи, пункта обмена валюты, двух трогательно

расстающихся гомосексуалистов...

Отдав жетон автомату, он спустился на платформу и стал прогуливаться по ней в ожидании поезда, не забывая поглядывать на молодых женщин. Его безоблачную скуку нарушало только воспоминание о сновидении, посетившем Макса минувшей ночью. Оно составляло резкий контраст с обыденной жизнью, и, может быть, поэтому он помнил о нем так долго...

Из туннеля с гулом вырвался поезд, обдав его мертвым ветром. Максим вошел в полупустой вагон и сел так, чтобы видеть свое отражение в стекле. Он увидел лицо тридцатилетнего человека со впалыми щеками, трехдневной щетиной, глубоко посаженными серыми глазами и длинными волосами, в которых блестели капли воды. Подмигнув самому себе, он оглядел вагон и, не заметив ничего достойного внимания, снова уставился на черно-серую зыбь за окном.

Через несколько секунд беспорядочного блуждания его мысли обратились к Элиоту. Он пытался полностью вспомнить фразу: «...в метро, когда поезд стоит между станций... и ты видишь, как опустошаются лица, и нарастает страх оттого, что не о чем думать...¹». Его страх нарастал даже

¹ Из стихотворения Т.С.Элиота «Ист Коукер» (перевод Андрея Сергеева).

тогда, когда поезд двигался. Секунды исчезали, словно песок, просыпающийся между пальцев, и Макс вдруг показалось, что поезд, утончаясь, вонзается в сужающуюся черную нору, пока вагоны и все находящиеся в них не превращаются в ничто...

Справа надвинулась новая декорация — станция, на которой совершался обмен живым товаром. Снова суставчатая игла заскользила, вдеваясь в бесконечное игольное ушко, чтобы ненадолго отдохнуть на свету. Весь цикл повторился несколько раз, прежде чем Макс вышел на станции пересадки.

Здесь, двигаясь в толпе по узким и низким переходам, в которых только идиот не испытал бы рано или поздно острого приступа клаустрофобии, он увидел женщину, сидевшую прямо на полу. Рядом с нею стояла старая детская коляска. В коляске лежал ребенок, закутанный в теплое тряпье, так что открытыми оставались только глаза. В его ногах валялось несколько мелких купюр, усеянных нулями.

Макс пошевелил пальцами в кармане своей куртки. Бумажки, извлеченной на свет, не хватило бы и на полбуханки хлеба. Людской поток нес его прямо к нищей. В какой-то момент Макс оказался

ближе других к коляске и протянул руку, чтобы бросить в нее купюру. Одновременно он встретился взглядом с ребенком, который смотрел вверх, на низко нависший потолок, и это заставило его вздрогнуть. Дело в том, что глаза ребенка были совершенно черными, без признаков белка в уголках; они хитро поблескивали из-под сморщенных полуприкрытых век, и это был искушенный циничный взгляд взрослого человека...

Взаимное созерцание заняло не более секунды, после чего толпа увлекла Макса с собой. Но воспоминание о взгляде существа из коляски осталось — неотвязное и липкое, как пленка, намотанная на слишком податливый комок мозга.

Давление человеческой массы было не таким уж непреодолимым; при желании Максим мог бы вернуться и еще раз заглянуть в коляску, однако именно этого ему хотелось меньше всего. Отвращение — как первая защитная реакция — толкало его прочь; усталое сознание лихорадочно и безуспешно подыскивало рациональное объяснение: нелепый фокус, маска, лицо карлика, желание вызвать жалость, просто игра света и тени — любой из вариантов устраивал Макса, но противный холодок не переставал блуждать где-то между затылком и основанием позвоночного столба.

Мертвящий взгляд из коляски давно исчез, смытый новыми картинками реальности, однако после него осталось омерзительное ощущение сродни тому, которое вызывает ноготь, скребущий по ткани.

* * *

Эта неприятная мимолетная встреча была первым звеном в длинной цепи странных и необъяснимых явлений. Впрочем, Голиков был не настолько чувствителен, чтобы отметить подобную мелочь. Эскалатор вынес его, все еще скучающего, наружу, а ноги понесли вверх по улице. Через двести метров он остановился возле дома, в котором размещалась частная художественная галерея.

Афиша на стене возвещала о выставке-продаже картин местных молодых художников из группы «Сновидение». В существовании такой группы Макс сомневался; скорее всего, художников формально объединили по неизвестному признаку. Название группы оказалось магическим ключом, который установил некое соответствие и подал сигнал о тревожном и даже пугающем событии.

Никогда раньше и, вероятно, никогда позже Голиков не переступил бы порог галереи, но в тот

день он вошел и почти сразу же увидел ТУ САМУЮ картину.

Он почувствовал легкую дурноту и не знал, радоваться ему или огорчаться. На смену растворяющейся скуке медленно, как туман, заполняющий глубокую долину, опускалось нечто худшее...

Картина изображала то, что он видел во сне минувшей ночью. Не пейзаж, но и не существо. Возможно, остров, если называть островом устойчивый и вместе с тем таинственный образ посреди зыбкого вихря ощущений и мыслишек. Макс не стал бы утверждать, что узнал какие-либо конкретные детали, — на картине их не было, а размытые пятна выглядели слишком неопределенными, — неотразимо точным оказалось общее гнетущее впечатление, не лишенное эдакой черной романтики; он снова услышал зов загадочного места, почуял влекущий запах запретного, испытал страх перед немыслимым отчуждением...

Голиков заставил себя опустить взгляд и прочел на прямоугольной табличке под картиной:

Игорь Седой
СЕЗОН БЕССОННИЦЫ

Макс решил, что «Седой» — это наверняка

псевдоним. Предчувствие подсказывало ему, что самым простым и, пожалуй, безопасным выходом было бы немедленно уйти и забыть о странном влиянии картины. Он привык доверять своим предчувствиям. Однажды это спасло его от смерти в авиационной катастрофе.

Но сейчас какое-то извращенное любопытство удерживало его в галерее.

Не первый раз он ввязывался в нехорошую историю, зная, что будет еще хуже; в частности, это относилось к романам с замужними женщинами, завершавшимся довольно болезненно для всех трех вершин треугольника. Теперь же, словно очень низкий звук, в нем вибрировал глубинный страх, который не нуждался в объяснимой причине...

Завидев даму, одетую не по сезону и явно принадлежавшую к персоналу галереи, Макс направился прямо к ней и спросил, где может встретиться с одним из художников. При этом его взгляд перебегал с большого серебряного креста на ее плоской груди, инкрустированного перламутром, на тонкий злой рот. По правде говоря, крест выглядел куда привлекательнее всего остального...

Сверкнув наманикюренными ногтями, покровительница искусств показала Максиму небольшую группу разношерстных лиц и доверительно сообщила, что это и есть выставляющиеся художники.

Преодолевая врожденную стеснительность и нежелание попасть в предполагаемое дурацкое положение, Максим приблизился к тесному кругу беседующих. Все это — ненавязчивая демонстрация своей исключительности, ленивый смех, богемные шмотки, хипповые фенечки, нечесанные бороды и едва уловимый запах травки — было ему знакомо, и все это успело смертельно надоест. Он выбрал девушку в больших очках, некрасивое, но самоуверенное существо, сублимировавшее в творчество нерастраченную сексуальную энергию, и вполголоса обратился к ней:

— Прошу прощения, я могу с вами поговорить?

— Пожалуйста. — Она пожала плечами с деланным равнодушием. В ее правой руке обнаружилась сигарета, которую она нервно разминала пальцами.

Он отвел ее в сторону и спросил:

— Вы знаете Игоря Седого?

Теперь Макс обнаружил еще кое-что, а именно красные воспаленные глаза за стеклами очков. Ему показалось, что девушка на несколько секунд затаила дыхание. Он неправильно истолковал ее молчание и начал на ходу придумывать легенду.

— Понимаете, я его школьный друг. Случайно

зашел сюда — и вот... Не видел Игоря десять лет.

С возрастом можно было промахнуться, но девушка вряд ли обратила внимание на такую мелочь. В следующую секунду до него дошло, что случилось нечто непоправимое. С каким-то раздражающим трагизмом она прошептала:

— Он умер вчера. Погиб. Извините...

Она поспешно вернулась в свой спасительный круг, отгородившись от незнакомца завесой сигаретного дыма и корпоративного духа.

Макс выдохнул сквозь стиснутые зубы и медленно двинулся к выходу. По пути его взгляд невольно снова упал на картину. Теперь она показалась ему еще более мрачной. В ней содержалось зашифрованное в неуловимых зрительных образах послание с того света, предсказание мертвеца, завещание и обещание...

Макс посмотрел на табличку с ценой. Что-то около сорока долларов. У него не было при себе такой суммы. Он вышел на улицу и с некоторым облегчением окунулся во влажный холодный воздух.

Голиков никогда не считал себя суеверным психом. Тем не менее он знал, что вернется за картиной в ближайшее время.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Книжный червь по имени Виктор Строков выполз из главного офиса харьковского издательства «Фиона» и направился к трамвайной остановке. Он был потрясен не столько тем, что держал в руках книгу со своей фамилией на обложке, сколько тяжестью, которая обрушилась на него. И все благодаря человеку, умершему примерно восемьдесят лет назад. Однако Строков не сбрасывал со счетов и собственную изобретательность.

* * *

До сих пор он жил переводами брошюрок на модные оккультные темы и мистических трактатов. Волна интереса к такого рода литературе начала спадать, и ему пришлось «опуститься» до детективов, эротических триллеров и описаний программных пакетов. В провинциальном городе, пусть даже и большом, это не приносило желаемого результата. Работа была эпизодической и к тому же часто оказывалась бессмысленной: опережали конкуренты, он тратил время впустую.

Однако пару месяцев назад Строков наткнулся на настоящее сокровище. Он так и не смог бы объяснить, что заставило его зайти в двухэтажный дореволюционный дом по улице Ключковской, который предназначался под снос.

Может быть, вполне понятный интерес ко всему уходящему безвозвратно.

Жильцов уже выселили. Пробираясь через груды битого кирпича, Виктор поглядывал на ослепшие окна и думал о том, что помнили эти стены. Вместе с их исчезновением неизбежно должна была умереть память...

В старом деревянном сундуке, забытом в одной из комнат, он нашел книги, наполовину съеденные крысами. Здесь были издания текущего столетия — от опусов вождей революции до перевязанных веревками номеров журнала «Вокруг света» за шестидесятые годы. Внутри этой груды хлама Строков и отыскал свой бриллиант. Это была толстая книга, отпечатанная в Харькове в 1902 году. Последняя ее четверть отсутствовала, часть страниц оказалась безнадежно испорчена сыростью.

Увидев масонские знаки, замаскированные в иллюстрациях, Строков был заинтригован. Раньше он слышал кое-что о харьковской ложе «Умиравший сфинкс», но его сведения были скудными и разрозненными. Насколько Виктор мог судить, теперь он держал в руках книгу одного из «усыпленных» масонов. На титульном листе значилось:

Яков Чинский
ГРАФОЛОГИЯ

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ АГРИППЫ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ЦАРСТВУ СНОВ

Собрание этих трех работ под одной обложкой показалось Строкову странным, если не сказать — парадоксальным. Их объединяло только имя автора. Позже, роясь в архивах самой большой городской библиотеки, Виктор раздобыл кое-какой материал еще об одном Чинском — на этот раз Чеславе — тоже, по-видимому, масоне, австрийце по происхождению, который жил в Петербурге и, похоже, никогда не приезжал в Харьков. Самое загадочное заключалось в том, что среди работ Чеслава Чинского также значилась брошюра «Графология», изданная в 1910 году, но Строков не нашел никакого упоминания об «Учении Агриппы» или «Путеводителе», а также о судьбах Якова и Чеслава.

Его небольшое расследование оказалось безрезультатным. В конце концов он наткнулся на непробиваемую стену спецхрана и был вынужден отступить. Однако у него появилось время и повод для изучения самой книги.

Понимая, что из «Графологии» и «Эзотерического учения Агриппы» можно было извлечь только нематериальную выгоду, он принялся за «Путеводитель», решив вначале, что обнаружил некое подобие обширного и подробного

сонника. И тут Строков был сражен наповал.

«Путеводитель» оказался детальнейшим и глубочайшим исследованием сна, различных пограничных состояний сознания и всевозможных символов сновидений, причем с совершенно неожиданной точки зрения. Текст зачаровывал, словно волшебная сказка, и пугал, как темный лабиринт. Чинскому удалось нащупать нечто очень цельное и одновременно очень зыбкое, мерцавшее на границе рационального знания и интуиции; более того — ему удалось изложить это так, что разрозненные впечатления Строкова начали постепенно складываться в некую многообещающую систему, которая могла стать ключом к разгадке кажущихся случайностей...

И все же его ожидало разочарование. Последняя часть книги, вобравшая в себя квинтэссенцию мистического опыта Чинского (возможно, позаимствованного из более раннего источника) была уничтожена. Строков почувствовал себя в положении человека, преодолевшего сложнейшие препятствия на пути к цели и очутившегося перед наглухо замурованной дверью за два шага до нее.

С того момента неясная тревога уже не оставляла его. Все попытки найти полный экземпляр книги Чинского оказались тщетными. Самое удивительное, что никто даже не слышал о

ней. Спустя две недели Строкова стали посещать легко узнаваемые сны, упомянутые в «Путеводителе». Среди них не было ни одного приятного или хотя бы нейтрального.

Мучительная незыблемость тайны изводила Виктора сильнее, чем он мог предположить. Он привык к ночным кошмарам и попал в зависимость от чего-то неопишуемого. Оно пробило в нем дыру, сквозь которую хлынула чернота и похоть, подавляемая в течение двадцати с лишним лет. Время его жизни разделилось пополам между явью и сном, но открывшаяся ему сумеречная реальность потрясала куда сильнее всего, что он знал до сих пор.

Скучными серыми днями он снова и снова погружался в изучение завораживающей последовательности своих видений, беззвучных голосов ОТТУДА, жестов призрачных любовниц — однако отсутствующая часть мозаики превращала его в слепца, вызвавшегося быть поводырем таких же слепцов.

* * *

Строков вошел в свою квартиру, которую он делил с четырьмя тысячами книг, и осторожно положил на стол еще одну — свежееотпечатанную, гладкую, еще пахнувшую клеем и краской. На

обложке стояла его фамилия. Ветхозаветное «царство» он отбросил, оставив для названия три слова: «Путеводитель по снам».

Строков рассчитывал на коммерческий успех. Для бесхитростных читателей Виктор сделал более или менее полную компиляцию всевозможных сонников, суеверной, но увлекательной чепухи, для более искушенных — немного разбавил текст Юнгом, Фрейдом и Успенским. Однако тайное сердце книги Чинского, ее глубинный пласт он оставил неизменными. У Строкова хватило невежества сохранить осколки, но не хватило времени и силы, чтобы соединить их.

И все же нечистая совесть омрачала его сомнительный триумф. Он вытащил из кармана несколько стодолларовых бумажек и выложил из них прямоугольную рамку для книги...

Что-то было не так, и Строков не мог понять, что именно. Он хотел быть всего лишь хранителем, но стал преступником. Никто не мог уличить его... за исключением того свидетеля, который притаился в темноте за сомкнутыми веками... Он ощутил страх и тут же испугался иррациональности этого страха.

«ЧТО ТАКОЕ Я ИЗВЛЕК НА СВЕТ?...»

Он нашел в холодильнике полбутылки водки

и наполнил большой бокал для вина. После второго бокала Виктор почувствовал приятное расслабление и голод. Банку рыбных консервов ему пришлось вскрыть длинным мясным ножом — консервный подевался куда-то.

Строков включил телевизор и повалился на диван, прихлебывая из горлышка. На экране герои какой-то мелодрамы клялись друг другу в вечной любви, и некоторое время Виктор прислушивался к их словам с кривой улыбкой. Потом голоса стали отдаляться, и вскоре люди разевали рты в полной тишине. Зато в нижней части экрана появились непристойные титры, комментировавшие происходящее. Как-то очень отвлеченно Строков подумал, что этого не может быть, но подобная мысль совершенно не повлияла на иллюзию.

Сменились персонажи, и фильм стал порнографическим. Два молодых прыщавых панка занимались любовью с шестидесятилетней проституткой, подвергая ее всевозможным истязаниям и унижениям. Зрелище было чрезвычайно омерзительным, и Виктор не смог снова приложиться к горлышку. Он понимал, что подсознание сыграло с ним плохую шутку, но еще не отдавал себе отчет в том, до какой степени она плоха...

Усталость и принятая доза алкоголя доконали его. Строков никогда не отличался хорошим

здоровьем. Всю свою молодость он вдыхал затхлый воздух библиотек или своей затворнической квартиры. Его сексуальный опыт был крайне ограниченным и неудачным, зато Строков любил предаваться эротическим фантазиям. Тощий, узкоплечий, он быстро растрачивал силы и начинал задыхаться уже после пяти минут быстрой ходьбы...

Сейчас он часто дышал от страха и растерянности. Вся комната наполнилась голубым экранным мерцанием. Сквозь это мерцание прорвались ржавые звуки и раздавили Виктора, как каток. Лемми Килмистер пел свою «Die You, Bastard!», но Строков не подозревал об этом, потому что никогда не слушал рок-музыки.

Два голых подростка появились из-за голубой пелены. Они были вооружены опасными бритвами. Один из них тащил за собой на поводке старую шлюху, на которую был надет только черный кожаный ошейник со стальными заклепками. Она была почти задушена, глаза вылезли из орбит, синий язык вывалился изо рта.

Строков дернулся так, что душа едва не выскочила из тела, но при этом само тело осталось неподвижным и неосязаемым. Отвратительный синдром сна, когда не можешь заставить себя пошевелиться, несмотря на грозящую опасность, проявился в полной мере. Виктор завис в плотном

вязком киселе и был не в силах даже поднять руку.

Несколькими быстрыми уверенными ударами подростки перекроили его одежду, не слишком заботясь о целостности кожи, и раздели Строкова догола. К своему удивлению, при этом он ощутил только легкое покалывание, как при бритье. Затем панки натравили на него проститутку, передвигавшуюся на четвереньках. Липкие ладони легли на его ноги и поползли выше...

Строков потерял представление о времени. Он чувствовал себя так, будто его целиком заглатывал огромный моллюск. Рыхлая плоть обволакивала, словно студень. Неправдоподобно большие мясистые губы целовали и возбуждали его, но под ними пряталось что-то твердое и ледяное.

Когда женщина подняла голову, он увидел налитые кровью глаза и лезвие ножа, которое вибрировало между обломками ее зубов. Он понял, что глаза были просто двумя красными стеклянными шариками, вставленными в пустые глазницы. Дряхлые обвисшие груди коснулись его живота, и он оцепенел, покрывшись «гусиной кожей».

Кошмарная любовница «Лезвие Вместо Языка» медленно подбиралась к сморщенному предмету, воплощавшему в себе его мужское достоинство... Песня группы «Motorhead» повторялась уже в третий или четвертый раз; ее

звуки утюжили нетренированные мозги Строкова почище общеизвестного приспособления из чугуна. Подростки, усеянные юношескими прыщами, вертелись вокруг и пускали кровь из его конечностей. Оба находились в стадии гипервозбуждения, и результаты этого не замедлили сказаться. Вскоре все тело Виктора было покрыто розовой с разводами смесью спермы и крови, а также лохмотьями консервированной рыбы.

Время от времени оба малолетних уroda со сладострастными стонами впивались в него гнилыми зубами, но он по-прежнему не чувствовал боли — даже тогда, когда видел вырванные куски собственного мяса... Зато страх перед утратой мужского естества был ослепляющим, как будто воплотил в себе скрытую и назойливую фобию миллионов мужчин. Этот страх не позволил Строкову ухватиться за руку помощи, протянутую из неизведанного пространства.

Лицо одного из подростков вдруг раздулось, глаза провалились внутрь головы и, сверкнув, исчезли во мраке, рот превратился в узкую щель от уха до уха, волосы выпали, и на их месте вспучился бугристый рельеф. Новое лицо было ядовито-желтым и испускало болезненный свет.

Монстр поманил к себе Строкова жестом, который был истолкован Виктором как

предложение соития.

— ЛУЧШЕ Я ДОСМОТРЮ ЭТОТ СОН!!! — закричала худшая и глупейшая его часть, не зная, что в любом случае ему придется досмотреть сон до конца.

Луноподобная голова съежилась, и на узком мальчишеском лице снова заиграла хищная изломанная улыбка. Слепая женщина «облизнула» лезвием свои губы, отчего две тонкие струйки крови потекли из уголков ее рта. Она стала похожа на куклу с отпадающей нижней челюстью, что не помешало ей сделать два тонких разреза у Виктора в паху. Теперь ужас прорвался сквозь резиновую стену его бесчувственности и выжал из Строкова крик, тут же растоптанный шумными ребятами мистера Килмистера.

После этого «Лезвие Вместо Языка» действовала с бесстрастной, почти хирургической точностью...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда беглецу удалось завладеть осколком Календаря, у него появилась надежда уцелеть. Осколок был сектором безграничного круга (геометрия сумеречного мира оставалась непостижимой даже для обитавших здесь существ), лабиринтом с неограниченным количеством входов

и выходов; кроме того, беглец отыскал в нем пятерых союзников. Союзники оказались весьма уязвимыми, а продолжительность их жизни — до смешного малой, но это было лучше, чем ничего. Беглец безуспешно пытался связаться с тремя из них. Двоих, наиболее восприимчивых, он приберегал на самый крайний случай.

То, что все пятеро находились в одном секторе, означало, что их разделяет небольшое расстояние и по другую сторону снов. Но герцог был сильным и изощренным врагом. Теперь союзников осталось только трое. Те, которым пришлось умереть, похоже, не догадывались о причине своих несчастий вплоть до самого конца...

Беглец продолжал странствовать с теплым течением. Его энергия не была пассивной. Он искал Календарь Снов — источник волшебства, место покоя, ключ к миллиону убежищ, причину жизни и причину смерти. Герцог опережал его и, скорее всего, уже завладел большей частью Календаря. Это не пугало беглеца. Его вообще ничего не пугало. Страх могли внушить только иллюзии, а у него не было иллюзий. Тонкая завеса в одну триллионную долю секунды постоянно отделяла его от небытия.

Это означало, что только герцог понимал существование лучше своей жертвы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Восьмилетний Саша Киреев был отгорожен от мира тройной стеной своей глухоты, немоты и слепоты. В трехлетнем возрасте он вместе со своими родителями попал в автомобильную аварию. Тяжелый грузовик врезался сзади в затормозившую на перекрестке легковую машину. Отец и мать, сидевшие впереди, отделались переломами конечностей и порезами на лицах, а для Саши, который спал на заднем сиденье, сильный удар головой оказался роковым.

О времени до аварии у него не осталось воспоминаний. Поэтому обо всем внешнем он имел самое приблизительное представление. Окружающая обстановка, с точки зрения обыкновенного человека, была знакома ему не лучше, чем венерианский ландшафт — незрячему младенцу. Такими же непривычными и непонятными казались ему люди, их действия, мотивы, чувства и проявления этих чувств.

Только родители были чуть ближе остальных — странные, бесформенные существа, пахнувшие по-особенному и касавшиеся его своими руками. Они пытались познакомить его с миром хотя бы на уровне ощущений, и их отношение к нему было пронизано бесконечными жалостью и состраданием, но они не могли предположить, что

ребенок не нуждается в их дурацком просвещении.

У него был дар путешествовать внутри тесной темной коробочки черепа, продырявленного сверлом нейрохирурга, исследовать незапятнанную душу, пребывавшую практически в полной изоляции от цивилизации и навязываемых ею стереотипов. Скитаясь во снах и видениях, не имевших ничего общего со зрением, он неосознанно и без всякого восторга посещал пространства, на достижение которых некоторые мистики тратили половину своей жизни, а то и всю жизнь. Он знал все самые жуткие и самые светлые области своего подсознания, но не сумел бы мысленно сказать об этом и двух слов.

За четыре года, прошедших после злополучной аварии, в нем выработалась потрясающая чувствительность к постороннему присутствию. Он имел совершенно точные сведения о наличии живых существ в радиусе пятидесяти метров от своей головы. Ночью он мог различить кошку, крадущуюся в подвале соседнего дома, хотя не представлял себе ее настоящего облика.

В зависимости от фазы Луны его чувствительность испытывала приливы и отливы, но никогда не исчезала полностью. Тени нездешних существ не давали ему пережить предельное отчаяние наедине с самим собой. Стены были для

него прозрачны, а воздух — мертв и черен, как межзвездная пустота. Он знал, кого следует бояться по-настоящему, кто остается нейтральным, а кого нужно использовать, двигаясь в сновидении совместно. Еще он абсолютно точно знал, что в решающий момент ему никто не поможет...

Таким образом, восьмилетний человеческий ребенок, которому пытались навязать азбуку Брайля и сознание собственной ущербности, вероятно, был самым странным и самым свободным существом в двухмиллионном городе. Только возраст и отсутствие обратной связи с миром взрослых спасали его от отдельной палаты в психушке и от мозговых вивисекторов в белых халатах.

* * *

Саша сидел в кресле у окна и вдыхал запахи ранней весны. Для него весна означала нечто другое, чем для большинства людей. Он ощущал зарождение жизни по ту сторону природы. Родители ушли куда-то; он был один в квартире, хотя и знал, где находится сейчас каждый из соседей.

Вдруг он вздрогнул и сжал кулачками бритую голову. Он почувствовал близость врага — настоящего, жуткого врага, твари из хорошо

знакомому ему иного мира, пришедшей в этот мир, чтобы охотиться и убивать. Появился тот, о ком шептались призраки на перекрестках сновидений...

Герцог со своими слугами проехал мимо дома в металлическом экипаже — почти таком же, который стал причиной Сашиной изоляции. Значит, у них в этом городе были союзники, и кто-то впустил их в свои сны.

«ГЕРЦОГ ИСКАЛ КОГО-ТО, НО ЕЩЕ НЕ МЕНЯ...»

У него пересохло в горле. Саша испытывал боль от этого внезапного кратковременного сближения с врагом... Он ощутил резь в слепых глазах... Рябь возникла на поверхности никому не видимого зеркала...

Что-то нужно будет сделать, но он еще не знал — что именно. Даже выйти одному из квартиры на улицу было для него почти невыносимо. И все-таки он понимал, что когда-нибудь ему придется отправиться в путешествие более опасное и безнадежное, чем любая авантюра, предпринятая взрослым и зрячим человеком. Его детская душа трепетала от дурных предчувствий. Свежий ветер весны принес с собой перемены к худшему...

Саше было очень трудно сохранить хладнокровие; свою недетскую силу и

расчетливость он почерпнул не здесь. Безошибочно огибая предметы обстановки, он отправился на кухню, открыл холодильник и заставил себя есть, хотя желудок сводили спазмы страха. Он должен был продержаться как можно дольше, а хилое тело могло подвести его... Он поднес пальцы к своим векам и коснулся маленьких капель слез. Потом вернулся в комнату и приготовил себе теплую одежду.

С этого момента он был полностью готов к бегству.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Голиков возвращался с рэйвовой тусовки в ночном клубе «Меридиан», на которую его затащила одна знакомая тележурналистка. Голова раскалывалась от усталости, техно-ритмов и огромного количества поглощенного спиртного. По правде говоря, она раскалывалась в течение последних пяти часов. Макс понимал, что уже стар для подобных развлечений. Ему пришлось много пить именно потому, что он не мог танцевать столько, сколько танцевали окружавшие его восемнадцатилетние девочки и мальчики. Он чувствовал себя не в своей тарелке, с тоской вспоминал старые застойные дебоши в «Театральном», и только извращенное понятие

долга по отношению к своей подруге удерживало его в клубе до конца. К тому же он любил совсем другую музыку.

Избавившись от журналистки, к которой питал чисто платонические чувства, он отправился домой. Улицами завладела мартовская сырость. Начинался очередной серенький день. Алкоголь быстро выветривался. Ветер неприятно облизывал шею и запястья. Утренняя вялость еще витала в воздухе, когда Максим спускался в метро. Искусственный свет превращал время суток в условное понятие, и Голикову показалось, что по-прежнему стоит глубокая ночь.

Лоточники в подземном переходе начинали раскладывать свой товар. Макс задержался возле книжного лотка и стал высматривать себе книгу, чтобы скоротать воскресенье. Поколебавшись между «Дьяволом в раю» Генри Миллера, «Бегом на юг» МакКаммона и журналом «Забриски Райдер», он занялся изучением правой стороны лотка, отданной оккультной литературе.

Не было ничего удивительного в том, что он зацепился взглядом за название «Путеводитель по снам». К тому времени его сновидения сделались настолько яркими и насыщенными, что Макс начинал сомневаться в своем психическом здоровье... Хмель вдруг окончательно улетучился куда-то, и Голиков почувствовал себя

отвратительно трезвым и замерзшим.

Он взял книгу в руки, и ему пришлось преодолеть себя, чтобы открыть ее. Он сразу наткнулся на поразивший его образ из позавчерашнего сна. Это совпадение Макс уже не мог пропустить, несмотря на свою беспечность. Он перелистал несколько страниц, тут и там обнаруживая знаки, будто специально оставленные тем, кто прошел по этой дороге чуть раньше.

Книга излучала то же самое, что и картина мертвого художника, — ту же растерянность заблудившихся, ту же безнадежность, тот же страх. И все-таки она могла помочь — Голиков чувствовал это, хотя еще не знал точно, в чем будет заключаться помощь некоего Строкова.

Расплатившись с продавцом, Макс спустился на перрон, держа «Путеводитель» у бедра. Библейски черная обложка книги и траурное лицо Голикова делали его похожим на миссионера, отправлявшегося в деревню прокаженных. На самом деле он дрожал от нетерпения и остановился слишком близко от края платформы. Три женщины болтали о чем-то за его спиной. Послышался гул приближающегося поезда, и ветер подул из черной норы туннеля...

«МУЖЧИНА! ОТОЙДИТЕ ОТ КРАЯ ПЛАТФОРМЫ!»

В другое время Максим отметил бы дурацкую привычку постсоветских людей называть друг друга по половому признаку, но сейчас он даже не обратил внимания на окрик дежурной по станции. Сквозь нарастающий шум до него доносились веселые голоса женщин. Те щебетали о помаде.

До головного вагона оставалось метров пятьдесят, и расстояние стремительно сокращалось. Тридцать метров, двадцать, десять... Кто-то обдал затылок Макса ледяным дыханием. Он почувствовал легкий толчок в спину, но этого было достаточно, чтобы он потерял равновесие и начал падать вперед.

«ПРЕКРАСНО! Я — ТУПОЙ, РАССЛАБЛЕННЫЙ БОЛВАН, КОТОРЫЙ ПОЗВОЛИЛ ТОЛКНУТЬ СЕБЯ ПОД ПОЕЗД!»

Падая, Голиков стал поворачивать голову, чтобы увидеть скотину, отправившую его на тот свет. Восприятие приобрело исключительную, потрясающую остроту. В памяти отпечатались мельчайшие подробности происходящего.

Он хорошо различал искаженное стрессом лицо машиниста, застывшее прежде, чем тот применил экстренное торможение. Для Макса время почти остановилось. Падающее тело

медленно изменяло угол наклона, словно стрелка, ползущая по невидимому циферблату. Его и поезд разделяло всего около трех метров...

Когда угол достиг примерно сорока пяти градусов, Макс увидел лица женщин, оказавшихся очень близко от него. Он ни на мгновение не усомнился в том, что все трое представляют собой отлично выполненные человеческие муляжи. Их глаза были сплошными черными шариками, которые блестели на свету совсем как у того ребенка в коляске. Существо, стоявшее посередине, ласково улыбалось приговоренному.

Оставалось два метра до орудия казни.

Макс вдруг осознал, что его пальцы намертво вцепились в книгу.

«ПОЧЕМУ ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ ИМЕННО ТАК?! Я ВИДЕЛ ВО СНЕ СОВСЕМ ДРУГУЮ СМЕРТЬ!»

И кто-то ответил ему. Кто-то отозвался и стремительно двигался навстречу из потусторонней темноты, опережая земное время.

«ЭТО ЕЩЕ НЕ СМЕРТЬ!.. ЕЩЕ НЕ СМЕРТЬ... НЕ СМЕРТЬ...»

Макс ощутил, как ноги наливаются тяжестью,

будто вся масса тела внезапно перетекла в ботинки, — неестественной тяжестью, удержавшей его на платформе.

Лицо женщины, которая стояла справа, чудовищно исказилось. Метаморфоза была мгновенной и почти неуловимой. Просто в пространстве над ее плечами возник бугристый лик, сочившийся мертвенно-желтым светом, — луна из сновидений, лицо кошмара, воплощение демона, первопричина содроганий. В жерлах двух глазниц-кратеров дымилась тьма. Безгубый и беззубый рот прошептал что-то неразличимое из-за низкого скрежета тормозящего поезда.

До крашеной металлической поверхности оставалось всего полтора метра. Новое существо протянуло Максу свою нечеловечески длинную руку и сделало это нечеловечески быстро.

Невероятно, но Голиков в своем остановившемся времени еще раздумывал, хвататься ли за эту жуткую спасительную руку. Гладкие пальцы без костей и ногтей извивались перед ним, как будто приглашали обреченного сыграть в еще более страшную игру, чем собственная смерть...

Макс отдавал себе отчет в том, что балансирует на грани могилы и неизвестности. Жутчайшее предчувствие того, что неизвестность может оказаться хуже могилы, задерживало его на

микросекунды, не регистрируемые никем, кроме него.

«БЫСТРЕЕ, ТВАРЬ, ИНАЧЕ МНЕ ТЕБЯ НЕ ВЕРНУТЬ!»

Он схватил руку, состоявшую из светящегося роя льдинок, и ощутил сильнейшее помутнение, как будто сердце безуспешно пыталось протолкнуть по жилам перегной вместо крови. Что-то сильно рвануло его на себя, и он стал бесформенным жидким облаком, перетекающим в новое тело сквозь трубу, пульсирующую в бешеном ритме...

Спустя мгновение он снова стоял на платформе. Реальность обрушилась на него, как фильм с экрана включенного телевизора. В этом фильме были: истошный женский визг, сплавленный со скрежетом металла; жестокий удар по телу, встретившему вагон на высоте лобового стекла; хруст перемалываемых колесами костей; тень зеркала заднего вида, промелькнувшая у виска; цепящая аура смерти, разлившаяся на месте чьей-то гибели черной лужей...

«ЧЬЕЙ ГИБЕЛИ?!»

Рядом с Максом стояли две женщины, кричавшие на одной тоскливой ноте. Их крик

оказался слишком долгим и однообразным, чтобы быть настоящим. Голиков представил себе все, что теперь произойдет, — бесконечную бюрократическую волокиту в духе Кафки: показания машиниста, показания свидетелей, ПАДАЛ МУЖЧИНА, А НЕ ЖЕНЩИНА, «Были ли вы знакомы с погибшей?», «Расскажите еще раз, как все произошло». Тем не менее раньше он трусливо остался бы на месте преступления.

«ЧЬЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ!?»

Теперь же у него не было времени; его война началась, и он никому не сумел бы объяснить, что она продолжается в другом измерении.

Раньше, чем поезд остановился, Голиков рванулся и побежал к выходу. Строчка из «Pink Floyd» — «Run, Rabbit, Run», — повторяемая в десять раз быстрее оригинала, задавала ритм, с которым он переставлял ноги. Книгу Строкова он так и не выпустил из руки.

Наперерез ему уже спешил дежурный милиционер, привлеченный истошными криками на платформе. Правая рука блюстителя порядка тянулась к дубинке. Перепрыгивая через три ступени, Макс выскочил на площадку, где были установлены турникеты. Мент заносил дубинку для удара. Его перекошенное злобой лицо было

выразительнее иных театральных масок.

С недоступной ранее ясностью Макс понял, что тот будет делать в следующую секунду. Горизонтальный веер, удар в живот, затем ногой — по скрюченной жертве. Наручники и несколько профилактических тычков в зубы. И это только начало...

Голиков дрался всего дважды в жизни, да и то очень давно. В нем не было ничего тупо-воинственного. Но сейчас мир резко изменился и стал гораздо жестче. Демон из снов прорыл нору в его сознание. Макс ощутил хладнокровие и беспощадность того, кто сражался за свою жизнь миллионы земных лет.

«Я СПАС ТЕБЯ, ТВАРЬ, И КОГДА-НИБУДЬ ТЫ ДОЛЖНА БУДЕШЬ СПАСТИ МЕНЯ...»

Он впустил в себя существо, сиявшее, как осколок Луны, — такое же древнее, такое же чуждое и в восприятии Макса почти такое же мертвое.

В двух шагах от мента Голиков резко остановился, и дубинка просвистела мимо, разрезая пространство своим черным лоснящимся телом. На мгновение потеряв равновесие, страж порядка сделал лишний шаг навстречу Максусу, и тот поймал его на противоходе профессиональным жестоким

ударом в солнечное сплетение, сложившим человека пополам и сразу же отключившим его.

Голиков знал, что причиной тому была не его сила и не костяшки его пальцев, — никакая рука не смогла бы без постороннего вмешательства совершить движение такое же стремительное, какое совершает поршень двигателя внутреннего сгорания, набравшего обороты.

А еще он хорошо понимал, что означает нападение на представителя власти при исполнении им служебных обязанностей. Поэтому он побежал дальше, распахивая всем телом тяжелые прозрачные качающиеся двери, промчался по полутемному переходу и выскочил из метро в районе старых двухэтажных домов. Затеряться здесь, в лабиринте узких пешеходных улочек, было совсем несложно.

Гораздо проще, чем беглецу найти убежище с помощью осколка Календаря Снов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Четырехлетний бультерьер Зомби, в отличие от подавляющего большинства других собак, успешно охотился на крыс.

С тех пор как Зомби сбежал от хозяина, он лишился вкусной и легкодоступной еды, а взамен приобрел сомнительную свободу передвижения. Но

для него это стало самым главным — потому что псы-призраки начали преследовать его. Он превратился в жертву бесплотной своры. Призраки сделали его своей игрушкой. Самое непостижимое для него заключалось в том, что среди них были и те, с которыми он когда-то дрался на арене. И которых убил.

Зомби был специально натасканным бойцовым псом и в свое время заработал для хозяина немало денег. Большую часть суток его держали в затемненной комнате. Кормили только сырым мясом. Тренировки были регулярными. Он постоянно таскал на себе несколько лишних килограммов металла и мог подолгу раскачиваться, намертво вцепившись зубами в подвешенную на суку автомобильную крышку.

Для него то был период расцвета. Мир до грехопадения. Собачьи бои, организованные на летней сцене одного из городских парков. Роскошные тачки на подъездных аллеях. Дорогие и ухоженные человеческие самки. Запахи множества псов и крови. Хруст денег. Огороженная проволочной сеткой круглая площадка, с которой можно было и не уйти... Зомби еще помнил упоительную дрожь, охватывавшую его перед схваткой. И — отсутствие желаний. Голое существование здесь и теперь, рядом со смертью... Да, то были славные денечки!

Хозяин хорошо понимал его, и Зомби много дрался. В том числе с гораздо более крупными противниками. Он не нуждался в дополнительных стимуляторах. Он знал вкус крови ротвейлеров, кавказских и немецких овчарок, пит-булей и даже мастино. А кое-кто из них узнал и вкус его крови. Он был ранен неоднократно, в двух случаях довольно тяжело. Но никогда чужие клыки не рвали его до такой степени, чтобы полученные раны помешали Зомби покинуть арену на своих четырех. В этом смысле он вполне оправдывал свою кличку.

Еще он помнил жуткое чувство, возникавшее у него всякий раз, когда умирал враг. Будто черная тень накрывала парк, и псов вдруг охватывало оцепенение. Тень подавляла даже самых молодых и резвых. Те, которые были послабее, выли в пустоту. Такие, как Зомби, молча встречали нашествие мрака. Мрак наступал снаружи и изнутри... Потом инстинкты влекли Зомби к новому убийству.

Тень смерти. Он таскал ее за собою повсюду... Шрамы на розовой коже сделали его окончательным уродом, внушавшим отвращение и страх. Но псы-призраки были еще страшнее.

Впервые они посетили его на заднем сиденье хозяйского семьсот двадцать пятого «БМВ», и тогда же Зомби бросился на жену хозяина, сидевшую впереди. Внезапное безумие длилось всего несколько мгновений, однако их оказалось

достаточно, чтобы пес нанес женщине глубокие раны, обезобразившие ее на всю оставшуюся жизнь, и разорвал бриллиантовое кольцо. Если бы призраки не отступили, Зомби наверняка успел бы прикончить ее, а затем и хозяина.

Поскольку автомобиль мчался со скоростью девяносто километров в час, все могло бы завершиться погребением в совместной металлической могиле или большим очистительным костром, и тогда история не получила бы своего продолжения. Но наваждение прошло, Зомби присмирел, и, отвезя жену в больницу, хозяин чуть не вышиб из него дух.

Это было гораздо хуже, чем поражение на арене. В течение нескольких дней после экзекуции пес с трудом передвигался, мочился кровью и зализывал раны, до которых мог достать языком. Двуногий на его месте задал бы себе вопрос: ПОЧЕМУ ОН МЕНЯ НЕ УБИЛ? Зомби же не имел никакого понятия о человеческой расчетливости и алчности и был доволен тем, что пока жив.

Второе посещение произошло тогда, когда, к счастью для хозяев, Зомби остался в квартире один. Это место — замкнутый бетонный резервуар, в котором люди прятались от непогоды и от себе подобных, знакомый ему до последней трещинки в паркете, еще хранившем его щенячий запах, — вдруг превратилось в ожившее собачье кладбище,

звериный ад, клоаку запредельного ужаса...

Десятки стремительных тварей, полупрозрачных фантомов выскальзывали из теней, отбрасываемых предметами, чтобы впиться в Зомби стеклянными клыками и когтями; поджариваясь живьем, он спасался от них в огненном озере без берегов; но гораздо хуже физической боли было то неопишное, что запустило свои когти-иглы в его мозг и извратило его инстинкты.

Он перестал быть домашним животным, рабом человека, четвероногим существом, собакой Павлова с рефлекторным слюноотделением, организмом с предсказуемой реакцией на внешние раздражители. В его глазах плескалась иная, изнаночная реальность, и все приобрело совершенно новый смысл.

На этом гигантском кладбище, где истлевали кости, но не злоба умерщвленных, скопилось столько смертоносного яда, что он проник в каждую клетку Зомби, заполнил бесформенную кляксу его мозга и отравил энергию мышц.

Прежде чем атака призраков закончилась, мощный трехлетний кобель пробил своим телом двойное оконное стекло и вместе с дождем окровавленных осколков стал падать на землю с высоты третьего этажа...

Его спасла снежная зима и нерасторопность муниципальных служб. Он рухнул в огромный

сугроб, смягчивший удар, и отделался только ушибами и шоком. Белое безмолвие вспыхнуло на месте свернувшейся в точку черноты, а в следующее мгновение Зомби уже бежал прочь от проклятого места, где никогда, никогда, никогда (теперь он понял это) он не смог бы стать свободным.

* * *

Зомби поселился вблизи от того самого парка, где в прошлом происходили собачьи бои. С одного края к парку примыкал старый завод, заброшенный во времена депрессии, с другого — огромная свалка, которая разрасталась, как раковая опухоль на теле города. Достаточно большая, чтобы бродячий пес мог навсегда затеряться здесь.

Конечно, белый бультерьер в стальном ошейнике был более заметен, чем любая дворняга, но до сих пор мало кто видел его. Днем он отсиживался в многочисленных убежищах на свалке, ночью рыскал по парку и почти всякий раз находил себе еду.

Видно, в нем была некая слепая агрессия, и это отпугивало других собак, даже совершенно одичавших и собиравшихся в многочисленные стаи. Правда, телепатическая собачья связь доносила до него обрывочные сведения о стае псов-каннибалов,

которую возглавляла тварь, обозначаемая в человеческом языке сочетанием звуков «Г-Е-Р-Ц-О-Г», и непреодолимый страх подсказывал Зомби, что судьба еще не свела его с достойным противником.

Черный луч бил из-за горизонта — оттуда, где находился этот смертельный враг. Зомби ощущал даже какое-то неуловимое и необъяснимое сходство между запредельными псами-убийцами и призраками, осаждавшими его. Он чувствовал постоянную угрозу и жил обреченным, но не подавленным. Будущее являлось для него гораздо более иллюзорной материей, чем для людей.

Он был удачливым охотником и редко оставался голодным продолжительное время. Иногда его жертвами становились бродячие кошки, однако в плохие времена Зомби не брезговал и отбросами. Когда ему того хотелось, он находил себе самку среди окрестных дворняг и подавлял ее грубым натиском, силой и хорошо ощутимым излучением убийцы.

Короче говоря, свалка была вполне подходящим местом для пса-отшельника, и он мог бы кое-как провести здесь остаток жизни. Но он всего лишь получил отсрочку. Призраки не давали забыть о грядущем аде.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Через два дня после прискорбного случая в метро Максим Голиков входил в офис частного издательства «Фиона».

Теперь он стал гораздо осторожнее, и его было бы трудно поймать врасплох. Он ожидал нападения отовсюду; даже неодушевленные предметы приобрели новые, зловещие свойства. Союзник, который спас его на платформе, больше не появлялся, и Макс счел луноликого монстра галлюцинацией, неизвестным и пугающим порождением собственного сознания. Тем не менее в газетах и по местному телевидению замелькали сообщения о женщине, погибшей под колесами поезда, и мужчине, бежавшем с места трагедии. Личность женщины не была установлена...

Голиков без помощи парикмахера обрезал свои длинные волосы и, кроме того, перестал бриться. Теперь он выглядел иначе, чем прежде, и привлекал к себе меньше внимания, что вполне соответствовало его желаниям...

Он прошел по коридору и открыл дверь со стеклом, подернутым застывшими мутными волнами. Секретарша за столом просматривала какие-то бумаги. Макс сразу же сделал стойку. Густая грива черных волос, длиннющие ресницы, капризно изогнутые губы, гладкая кожа, впечатляющая грудь — и при этом никаких следов

обручального кольца. Жаль, он не видел ее ног... Его фантазия заработала. Впрочем, на доверительную беседу с этой дамочкой рассчитывать не приходилось. В радиусе двух метров от нее все было затянато искусственным льдом.

«СМАЗЛИВАЯ ИЗБАЛОВАННАЯ КУКЛА С МИКРОСКОПИЧЕСКИМИ МОЗГАМИ. ТО, ЧТО НУЖНО. ИДЕАЛЬНОЕ ПРИКРЫТИЕ...»

— Здравствуйте, — начал он проникновенно, но не удостоился даже мимолетного взгляда.

— Шефа нет, — небрежно бросила красотка, не отрываясь от бумаг.

Голиков резко сменил тактику.

— В котором часу вы заканчиваете? — спросил он, усаживаясь на ближайший к объекту внимания стул. Маникюр у нее тоже оказался в полном порядке. Двухсантиметровые ногти имели идеальную форму и были покрыты разноцветным лаком.

К удивлению Макса, она не отшила его и не вступила в презрительную перестрелку банальностями, а подняла глаза и посмотрела на него в упор. Он чуть не вздрогнул от неожиданности. В ее взгляде было необъяснимое отчаяние.

— У вас какое-нибудь дело?

— Да. Мне нужен адрес или телефон одного из ваших авторов.

— Зачем?

Он почувствовал, что в ее вопросах содержится далеко не праздный интерес.

— Скажем так, меня очень заинтересовала его книга...

— Фамилия?

— Строков.

Теперь она смотрела на него еще пристальнее. Как на приговоренного к чему-то нехорошему. Тем не менее между ними протянулась едва ощутимая ниточка взаимопонимания. Макс понял, что лед треснул, и молился об одном — чтобы в этот момент им никто не помешал.

Не отрывая взгляда от его лица, девушка запустила руку в ящик, извлекла и бросила на стол газету, сложенную вчетверо. Это были «Харьковские губернские ведомости» двухнедельной давности. Макс быстро просмотрел страницу и наткнулся на заметку под названием «Маньяк-самоубийца?». Дальше он читал по диагонали.

Найден мертвый мужчина... Множество ранений, нанесенных ножом для разделки мяса... Снятая кожа на руках и животе... Отрезанные гениталии... Дверь в квартиру была заперта

изнутри... Нетронутые шестьсот долларов США... Только что изданная книга со следами крови и спермы погибшего... Расплывчатые комментарии судмедэксперта...

Макс ощутил тошнотворную слабость уже где-то за чертой страха. Он подозрительно уставился на сидевшую перед ним красотку. Вполне возможно, что ему готовили ловушку более изощренную, чем примитивное покушение в метро. Однако ничто не говорило об этом, кроме... мольбы о помощи, застывшей в глазах внешне вполне благополучной девицы.

— Что вы об этом думаете? — он постучал по газете костяшками пальцев.

Она дернула плечиком, пресекая его расспросы. Похоже, она была заинтересована в прояснении этой истории не меньше, чем он, и только поджидала идиота, которого можно использовать в своих целях. Что ж, Макс решил рискнуть и сыграть с ней в эту игру. По крайней мере скучать в ближайшие дни явно не придется. Тем более что не только лицо, но и фигура его новой знакомой были выше всяких похвал.

— Сюда приходила его сестра, — вдруг сказала девушка. — По-моему, она требовала часть гонорара.

— Они жили вместе?

— Нет. У меня записан ее адрес... Я

заканчиваю в пять.

Макс еще раз внимательно посмотрел на нее. Куколка оказалась далеко не проста. Он с удовольствием констатировал взаимную зависимость, испытывая легкое возбуждение — как всегда в начале нового романа.

— Значит, в пять я буду ждать тебя у выхода.

Кстати, как нас зовут?

— Ирина.

— Я — Максим. Или просто Макс. — Он встал, сделал четыре шага и обернулся возле двери. — Я уже скучаю.

Девушка смотрела сквозь него. В ее взгляде по-прежнему было отчаяние, хотя и не безнадежное.

— До встречи, милый, — сказала она с ледяной улыбкой и непередаваемой иронией.

* * *

В половине шестого вечера они вышли из метро на станции «Пролетарская» и отправились разыскивать дом Строковой. Снова вернулись холода, и Голиков подумал, что было бы совсем не лишним пропустить где-нибудь рюмочку-другую. Его пробирала дрожь.

На Ирине была роскошная шуба, на широком воротнике которой прекрасно смотрелись

распущенные волосы. Макс предположил, что шуба честно заработана в постели. Однако сейчас важным ему казалось другое: на мужчину, идущего рядом с такой женщиной, обращали мало внимания. А может быть, как раз наоборот.

Выбросив из головы прикладную психологию, он сосредоточился на своей неразрешимой проблеме. Он был любопытной дичью и хотел знать, кто же все-таки открыл на него охоту. Макс не видел смысла отсиживаться дома или избегать новых, пусть даже подозрительных знакомств. Он не имел понятия о времени, которым располагал охотник, но допускал, что этого времени хватит, чтобы достать намеченную жертву где угодно.

Они забрели на темную малолюдную улицу. Оказалось, что Строкова жила в старом пятиэтажном доме с низкими потолками и маленькими балконами — наследии программы поспешного тотального строительства жилья. Квартира под мистическим номером двадцать три находилась на первом этаже. Грязная крашеная дверь выглядела не слишком презентабельно. Из-за двери доносилась музыка. «Пьяный мастер наколет на белом плече...» — пела Наташа Ветлицкая, и Макс скептически поморщился.

— По-моему, мы пришли не вовремя, — сказал он, а про себя подумал: «Интересно, зачем ты притащила меня сюда?»

— Говорить буду я, — сказала Ирина, нажимая на кнопку звонка. — Меня она помнит.

Это прозвучало решительно, но Макс видел, что красotka сильно нервничает.

Дверь открыла веселая шатающаяся личность в просторной длинной футболке, маскирующей признаки пола. На футболке имелся портрет Курта Кобейна.

— О! — произнесла личность, вываливаясь из коридора прямо Максy на грудь. Вблизи тот разглядел, что имеет дело с женоподобным юнцом.

— Лена дома? — спросила Ира, на что неизвестный тупо кивнул и, обернувшись, заорал в глубину квартиры:

— Элен! Тут к тебе два пассажира!..

Из комнаты донесся расслабленный смех.

— Кто-о-о? — томно протянул низкий женский голос.

Юнец оставил вопрос без ответа, пропустил Ирину вперед и, притеревшись к Максy, обдал того тошнотворной смесью запахов. Потом, красноречиво погладив ладонью свой пах, шепнул гостю на ухо:

— Слушай, ты хоть долбишься?

Макс не стал огорчать его сразу.

— Потом поговорим, — сказал он, вталкивая нового друга в коридор и закрывая за собой дверь.

Они сделали несколько шагов в темноте,

ориентируясь на сереющий впереди прямоугольник. Ирина резко остановилась, и Макс едва не ткнулся лицом в ее волосы. Он дорого дал бы за то, чтобы всю ночь напролет вдыхать этот волнующий аромат. Но не исключено, что очень скоро цена покажется ему непомерно высокой...

Обстановка комнаты была довольно неприхотливой — диван, несколько потертых кресел, торшер, почти пустой сервант. Мерцал экран старого черно-белого телевизора, стоявшего на полу.

Войдя, Голиков сразу понял, с кем имеет дело. Все пять человек, находившиеся в комнате, были под очевидным кайфом. Вставлялись они давно, и троим из пяти явно предстояло вскоре «уснуть на траве». Макс поразился их беспечности. Вероятно, в квартире уже не было наркотиков.

— Эй! Я тебя знаю, — сказала женщина, выглядевшая значительно старше своих номинальных двадцати пяти из-за сероватой кожи и дряблых мешков под глазами. Она лежала на диване и блаженно улыбалась. На ее сказочном острове уже наступила весна.

Макс переглянулся с Ириной и подмигнул, давая понять, что, по его мнению, они попали сюда в удачный момент. От Строковой еще можно было кое-чего добиться. Судя по всему, им просто повезло.

— Привет, — сказала Ирина, немного растерявшись. Наверное, привыкла к другому обществу.

— Ты бабки принесла? — ласково спросила Лена Строкова, раскачиваясь в такт музыке. Двое мужчин, полулежавших в креслах, залетели еще дальше — им было глубоко безразлично, принес ли кто-то бабки. Третий тупо уставился на гостей с пола, не поднимая глаз выше пояса. Полуголая молодая девка отрешенно и медленно мастурбировала в кресле.

— О деньгах поговорим потом. У вас остались какие-нибудь материалы, над которыми работал ваш брат?

— Да пошла ты, сука... — совершенно беззлобно сказала Лена и предалась созерцанию звезд, не видимых никому, кроме нее.

Голиков пришел к выводу, что пора брать инициативу в свои руки.

— Зачем тебе бабки? — вкрадчиво спросил Макс, постепенно приближаясь к дивану и опускаясь на колени. Его глаза обшаривали комнату в поисках хоть какого-нибудь клочка бумаги. Юнец опередил его, рухнув на диван рядом со Строковой.

— Иди к нам, мой сладкий, — позвал он, запуская руку под футболку. Лицо Кобейна искажилось, как в кривом зеркале.

В сущности, если никто из них не прикидывался обдолбившимся, то все шестеро не представляли никакой угрозы. Но Макса не покидало ощущение, что все это — хорошо разыгранный спектакль. Настолько хорошо, что актерам даже не требовалось притворяться; они играли самих себя...

Максим услышал шаги за спиной. Покосившись, увидел ноги в женских сапогах и поднял голову. Ирина держала в руке стодолларовую купюру. Поднесла ее к лицу лежавшей и подождала, пока взгляд Строковой сфокусировался на портрете Франклина.

— Получишь деньги, если найдешь для нас что-нибудь интересное.

Макс не верил своим ушам. Либо Ирочка была богата, либо точно знала, за что платит. В глазах Строковой зажегся огонек интереса. Почти сразу до Голикова дошло, что на самом деле Лена соображает гораздо лучше, чем ему показалось вначале. Она тянула время, но жадность в конце концов победила.

— Какие вы все-таки свиньи, — капризно проныла Строкова и стала спихивать юнца с дивана голый ногой. Тот впился зубами в ее бедро. Если это и был поцелуй, то довольно болезненный. Лицо Лены исказилось. И все же она ласково потрепала парня по голове.

— Принеси мою сумку, — шепнула она ему, широко зевая, но не переставая пристально наблюдать за купюрой.

Чертыхаясь, юнец поплелся в темный коридор и занялся там раскопками.

Немая сцена. Ожидание первобытного процесса обмена... Вдруг девушка, сидевшая в кресле, застонала и замотала головой. Строкова ухмыльнулась и подмигнула Максусу. Ее дружки по-прежнему были не более чем предметами обстановки.

Наконец появился парень, волочивший за собой большую потертую сумку. «Самолет опять меня уносит...» — пела с экрана Валерия, и он принялся танцевать с сумкой посреди комнаты.

— Дай сюда! — злобно приказала Строкова, протягивая руку.

Ее пальцы впились в сумку и извлекли на свет толстую тетрадь и две трехдюймовые дискеты.

— Это все, что вернули мусора. Кроме личных вещей... Что смотришь? Гони бабки.

Ира повернулась к Максиму и сказала вполголоса:

— С дискетами придется рискнуть. А тетрадь можно посмотреть здесь...

— Что ты там шепчешь, детка? — визгливо спросила Строкова, готовая в любую секунду вскочить на ноги.

— Сделаем так, — сказал Макс примирительно, взял деньги и отошел в угол. Здесь он положил купюру на глаза девки, уже отъехавшей и сидевшей с запрокинутой головой, и вернулся к дивану. — Пусть полежит там, а мы посмотрим тетрадь. Согласна?

До Строковой, по-видимому, дошло, что упираться не стоит — против здорового мужика у нее было маловато шансов. Зашипев от злости, она швырнула ему тетрадь. Он поймал ее и повернул так, чтобы Ирина тоже могла видеть раскрытые страницы.

Это был дневник Виктора Строкова. На первый взгляд, он состоял из отдельных кусков, совершенно не связанных между собой. Кое-где было обозначено время с точностью до минуты, чаще — время и дата, но нигде не был проставлен год. Стихи, религиозные символы, примитивные рисунки, какие-то подсчеты, фрагменты прозы... или описания галлюцинаций? Макс быстро пролистал тетрадь. Чтобы разобраться в ней как следует, потребовалось бы немало времени. Почти сто страниц, плотно исписанных мелким почерком. И ни на одной из них может не оказаться того, что ищет его знакомая. Кстати, а ЧТО она ищет?

Он посмотрел на Ирину, и та еле заметно кивнула.

— Я могу сэкономить твои деньги, —

прошептал он ей на ухо, уже рассчитывая траекторию падения парня после удара.

— Не нужно, — сказала она жестко. И повернулась к Строковой:

— Я возьму это. Сделка состоялась. Запомни: больше я не хочу тебя видеть.

— Иди на хер! — коротко ответила «Элен» и потащила в угол за честно заработанными деньгами. Парень нерешительно мялся посреди комнаты, как пес, не понимающий истинных намерений хозяина.

Макс увлек Ирину к выходу. Справившись с замком, услышал запоздалые ругательства, которыми провожал его юнец. Захлопнул дверь, отгородившись от искалеченного мирка. Что теперь? Кто она — эта женщина рядом? И какая тайна заключена в дневнике того бедняги, угодившего на живодерню?..

У него оставалось восемь минут для праздных размышлений. Потом ему снова пришлось бороться за свою жизнь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В другом мире существование беглеца клонилось к закату. В теплых течениях, несущих его между холодными берегами из живых минералов, для которых время почти не движется,

появились холодные струи умирания; ему становилось все труднее прятаться в снах, и все чаще от него ускользали души тех, кого посещали эти сны.

Теперь беглец иногда скрывался в сумеречных грезах наркотических растений — апатичных, расслабленных, лениво-сладострастных, содержавших неизъяснимое искушение; в них хотелось затеряться навсегда. Их медленно текущее время привлекало не только беглеца. Обладая Календарем Снов, который можно было рассматривать как идеальную пятимерную карту, герцог постепенно захватывал ареалы растений, существ, камней. Враг приобретал новых союзников, а слуги беглеца пока были безнадежно слепы или слабы...

Светлая печаль жертвы не имела ничего общего со слабостью. Он знал, что кончается все, и не хотел нарушать порядок вещей. И тем не менее это было грустно: позади — миллионы сновидений, миллионы обличей, миллионы утраченных тел, а впереди — торжество безжалостной твари, которая не смогла примириться с существованием среди равных.

Охотники герцога обложили беглеца, и с некоторых пор кольцо неумолимо сжималось. Может быть, именно это вынудило его пересмотреть свое отношение к происходящему.

Фатализм становится пустым звуком, когда смерть подбирается совсем близко и не хватает времени, чтобы дождаться на берегу плывущего по реке трупа врага.

Внутренне беглец уже решился на невозможное, но сам еще не подозревал об этом. Пытаться переиграть герцога — все равно что пытаться переиграть саму судьбу. Плохая шутка, изъясн мировоззрения, кощунство, осквернение непреложного закона. Однако беглец выбрал себе слуг, помощью которых собирался воспользоваться в крайнем случае. Благодаря их неведению вышеперечисленное не имело большого значения. Его союзники были из тех, кто способен плыть против течения. Странные люди, считавшие, что могут отменить собственную смерть...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Макс шел в полушаге позади Ирины и думал о том, как, не обижая ее, завладеть дневником Строкова и дискетами. Он слабо верил в то, что записи мертвеца прольют свет на происходящее, но в его положении не следовало пренебрегать любым, даже самым мизерным шансом. Теперь девушка не слишком стремилась поддерживать беседу, и Голиков испытывал неприятное чувство, что стал лишним и в его услугах больше не нуждаются.

Однако не настолько неприятное, чтобы отказаться от намерения приручить эту красотку.

Темнота сгустилась над рабочей окраиной. Редкие фонари лишь подчеркивали затерянность одиноких человеческих теней. Смесь льда и грязи под ногами. Ряды окон, равнодушно рассматривающих ледяной шарик Луны. Красные огни удаляющихся автомобилей. Гулкие отзвуки шагов. Потом внезапная тишина...

До станции метро оставалось пройти не более одного квартала. Очередной фонарный столб выплыл из мрака, как мачта затонувшего корабля с огнем Святого Эльма на топе.

На тротуаре, у самой границы освещенного круга, стояли бритоголовые.

Макс сразу же вспомнил строчку из песни Высоцкого: «Они стояли молча в ряд, их было восемь». В данном случае их было четверо. Четыре приземистых плотных «качка» с тусклыми глазами и челюстями, перемалывающими жвачку. Особая порода, созданная для наездов и разборок. Самая простая и самая древняя...

К собственному удивлению, Макс обнаружил, что не боится и даже не проклинает себя за беспечность. В этой встрече было какое-то предопределение, и без всяких видимых оснований он считал, что не проиграет.

Неторопливые шаги слышались за спиной.

Голиков обернулся и увидел, что его догоняют еще трое. Ближайший готовился к привычной работе. Короткие тупые пальцы были продеты сквозь дужки кастета. Все семеро молчали, обходясь без угроз и гнилых базаров.

Макс понял, что это не дешевые фраера. Непонятно только было, зачем крутым наезжать на него? Они выглядели слишком дорогими наемниками; вряд ли их мог заинтересовать гонорар в виде Иркиной шубы и побрякушек. Голиков вдруг вспомнил о девушке и покосился вправо. Он не удивился бы, окажись она их подругой. Но нет — она явно была в панике.

Макс нащупал в кармане свой баллончик с газом CS. Стоило дважды подумать, прежде чем достать его. Свое положение можно было и усугубить... Когда в руках у двух парней заблестели лезвия опасных бритв, Голиков осознал, что его положение усугубить уже невозможно.

Женский крик прорезал морозный воздух, и белое облачко пара тотчас растворилось в желтом сиянии фонаря. Крик прозвучал смехотворно — это было ясно прежде всего самим жертвам.

Макс вытянул руку и направил струю газа в лицо человека, поигрывавшего бритвой. Тот согнулся, спрятав лицо в ладонях, но даже не выругался. Самым жутким было полное молчание нападавших. Голиков начал поворачиваться.

Парень, который стоял рядом со своим ослепшим коллегой, точно выверенным взмахом бритвы рассек Макс тыльную сторону запястья, и обжигающая боль заставила его выпустить баллон. Поднятую руку прорезала черная трещина с дымящимися краями. Это была только прелюдия...

И вот тогда время остановилось снова.

Круг из семи неподвижных мужских фигур и еще одна, женская, рядом. Изваяния из костей и кожи. Застывший на выдохе воздух. Новый ледниковый период. Изменялась только Луна, но Голиков не улавливал этих изменений. Луна падала на Землю, что должно было произойти только через несколько миллиардов лет... Поверхность спутника стала втягиваться в двух местах, как будто невидимые пальцы нажимали на резиновый шар, чтобы проткнуть его. В глубоких воронках гнездилась тьма. Вскоре это были уже два туннеля в бездну...

Макс УЗНАЛ, и радость, смешанная с ужасом, зашевелилась в нем.

«КАК ПРИЯТНО И СТРАШНО ИМЕТЬ ХОЗЯИНА-ДЕМОНА!»

Он узнал лицо своего союзника. Казалось, тот пришел из космоса, но на самом деле — из другого мира. Однако недолго был узнаваемым.

Лунный блеск сделался ослепительным, а лицо исчезло, растворившись в сверкающем облаке, как в луже расплавленного металла, который затем начал отливаться в новую форму. Какой-то предмет, сгущавшийся из темноты, холодного газа, отраженного света, наполнял протянутую руку Голикова, распирая скрюченные пальцы.

Эффект материализации был потрясающим. Из чего-то расплывчатого и неопределенного появилась более чем реальная вещь. Вещь, леденившая большой и указательный пальцы. Остальные крепко обнимали пластмассовые накладки рукояти.

Вещь находилась на уровне глаз Макса, и он еще без единой мысли в голове прочел надпись на ее тускло блестящей поверхности:

PIETRO BERETTA
GARDONE V.T. — MADE IN ITALY

Макс почувствовал себя катапультированным из ада. Это был пятнадцатизарядный девятимиллиметровый «беретта» М-92, армейский образец с двухрядным расположением патронов. Такое оружие он видел до сих пор только в кино. Его просто не могло быть здесь, в этом городе, в этом месте, в этой порезанной руке!

Абсурд, ставший реальностью. Абсурд,

способный нафаршировать человека свинцом и превратить его в нечто малопригодное для транспортировки. Пятнадцать патронов — по два на каждого крутого. «И один чтобы застрелиться», — мелькнула в голове шальная мысль...

Потом время рванулось с места.

Голиков не обладал безошибочными рефлексами убийцы. Для Ирины это имело очень неприятные последствия. Парень, разрезавший Максу руку, все еще забавлялся с жертвами и полоснул девушку по лицу. Она даже не успела крикнуть — настолько сильным оказался шок. Но следующий удар бритвой был горизонтальным, и Макс понял: если он промедлит, лезвие рассечет ему горло...

За минувшие полсекунды никто из бритоголовых не успел переварить тот факт, что его рука уже не была пустой. Он не знал, снят ли пистолет с предохранителя, однако это знало СУЩЕСТВО, ПРИХОДЯЩЕЕ С ТОЙ СТОРОНЫ. Оно же, слившись с ним теснее, чем любовница, заставило двигаться его палец, а палец нажал на спусковой крючок.

Невероятно, но Максу показалось, что он видит, как пуля ввинчивается в воздух, увлекая за собой расширяющуюся спираль пара. Пистолет отрывисто рывкнул, содрогнувшись в руке; сильную

отдачу принял на себя двойник Максима.

Ужасная кровавая дыра возникла на месте левого глаза его врага. Пробив голову насквозь, пуля снесла треть черепа и затерялась в темном пространстве улицы...

Макс повернулся вправо. Еще одна пушка стала появляться на свет. Ее вытаскивал из плечевой кобуры парень в черной кожаной куртке, стоявший в четырех шагах от Макса.

Да, это были профессионалы. Им понадобились всего лишь мгновения, чтобы опомниться, а внешне они вообще не выдали того, что столкнулись с чем-то неожиданным.

«Беретта» дважды громыхнул в гулком ущелье улицы, выталкивая из себя кусочки свинца. «Макарову» так и не удалось побывать в деле. Его похоронил под собой упавший человек. Пистолету была суждена уютная мокрая могила, наполненная остывающей кровью.

Кастет со свистом рассекал воздух, и Макс предпочел встретить его щекой, а не затылком. Совсем избежать встречи было уже невозможно. Сильный удар отбросил его на скорчившуюся девушку, но мышцы работали бесконтрольно, снова и снова нажимая на спуск...

Парень с кастетом получил пулю в корпус, которая раздробила его ключицу на множество мелких осколков, не подлежащих локализации.

Уже лежа на тротуаре, под бешено завертевшимся фонарем, Макс смотрел снизу на отшатнувшиеся от него фигуры. Итальянская пушка перемещалась с одной на другую, пока они не растворились в темноте. Где-то рядом сдавленно всхлипывала Ирина. «Да, девочка, подпортили твою красоту», — равнодушно и цинично подумал Максим, прежде чем все поплыло у него перед глазами. Он потерял сознание.

К счастью, ненадолго.

* * *

Его голова раскалывалась от боли, которую пришлось превозмочь. Он встал и поднял Ирину на ноги. Потом аккуратно отнял от ее лица ее же окровавленную ладонь.

Узкая рана протянулась от виска до скулы. Сейчас, при тусклом ночном освещении, порез выглядел не так плохо, как будет выглядеть шрам... Голиков ощутил прилив жалости к девушке, но жалость была плохим советчиком. Отдавая себе отчет в том, что звуки выстрелов — это совсем не то, что женский крик, Макс почти насильно потащил Ирку за собой, выхватив у нее из руки сумочку. «Беретта», в магазине которого осталось десять патронов, сильно оттягивал карман его пальто.

Им повезло, и они не нарвались на милицейский патруль. За минуту до того как машина с мигалкой свернула на улицу, где под фонарем лежали три трупа, Максим сел с девушкой в такси. Он посоветовал ей прикрыть рану волосами и стараться выглядеть по возможности беззаботно. Беззаботно, черт подери! К тому времени он и сам начал забывать, что означает это слово. Былая скука казалась навеки утраченной благодатью. Необходимым условием комфорта. Чего ему, глупому, не хватало — хорошей встряски? Он ее получил.

Ирина назвала таксисту свой адрес. При этом ее голос уже почти не дрожал.

Макс положил себе на колени ее сумочку. Не надо было напрягаться — все решилось само собой. Тетрадь и дискеты попали в его руки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Яйцеголовые утверждают: человеческий глаз настолько чувствителен, что способен зарегистрировать один-единственный квант света. Это означает, что большинство зрячих, пока их глаза открыты, не имеют понятия об абсолютной темноте.

Бархатная чернота, окружавшая Сашу Киреева, была такой же плотной, как мрак внутри

замурованной подземной гробницы. Он сидел возле окна, вдыхая сырой воздух наступившей ночи. В соседней комнате спали его родители. Сотни существ неумело вдыхали прану тут же, неподалеку, расположившись в ячейках квартир и на полочках этажей. Некоторые из них были неподвижны, другие спаривались, искажая пространство своими содроганиями и глупо расходуя драгоценную энергию. В это время они были наиболее уязвимы. Саше страшно было даже подумать о том, что могут сделать с ними слуги герцога...

Он на ощупь нашел свою кровать и улегся на ней лицом кверху. Несколько толстых железобетонных плит отделяли его от неба, но это не мешало ему ощущать влияние звезд.

Постепенно его дыхание стало глубоким и ровным. Он спал. Для него сон мало отличался от так называемой реальности. Откуда-то из темноты прилетело перышко, прилипло к его губам и больше не двигалось — до момента пробуждения...

* * *

Старый, привычный сон, через который Саша обычно входил во вселенную сновидений. Это был ЕГО сон, разделенный, вероятно, только с несколькими глубоководными рыбами, но и те

никогда не попадали дальше первого перекрестка, поэтому вход можно было считать принадлежавшим ему одному.

Холод и вялость, тишина и случайные твари, раздавленные незримым ужасом... Надо было преодолеть толстый слой апатии, чтобы не остаться здесь навсегда. Хотя именно этот участок был совершенно безопасным. Охотники сюда не проникали, предпочитая более густонаселенные области.

Однако Саша почувствовал, что сон изменился. Ему стало страшно. Сновидение оказалось каким-то липким и удерживало его гораздо сильнее, чем раньше. Он поискал, но не нашел причину искажения. Ткань кошмара уплотнялась, сковывала, словно высыхающий гипс; кто-то издалека и очень медленно изменял свойства здешнего пространства, еще ничем не выдавая своего присутствия...

Перекресток отодвинулся во времени, и Саша ощутил черный ветер противодействия. Ветер пронизывал его, нагоняя морок и замораживая душу. Хорошо еще, что воображение не сыграло с ним плохую шутку, услужливо воплотив кошмар в картины и видения. Сознание было надежно скрыто за дверью многолетней слепоты. Однако и эта дверь истончалась, как будто невидимые когти постепенно сдирали с нее слой за слоем...

Парадоксальным образом зрение означало уязвимость. Больше всего Саша боялся именно этого: момента, когда сможет ВИДЕТЬ.

Он понял, что через некоторое время, известное только Календарю Снов, этот сон станет для него ловушкой. Герцог! Мальчик опять вспомнил о герцоге — маниакальном охотнике, который мог добраться до ареалов рыб...

Содрогаясь, Саша пересекал черную трясины сна. Она была бесконечной в своей плоскости, но существовали места перехода в новые измерения. Он искал их с большей настойчивостью, чем заблудившийся на болоте ищет островок твердой земли. Вязкие струи кошмара тянулись за ним, растаскивая его на части, втягивая в жерла бездонных воронок, единственным свойством которых была вечность...

Струи омывали и ласкали только одну карту в колоде его инстинктов — влечение к смерти. Смерть — единственная любовь и единственная привязанность, которая могла быть у человека, лишенного почти всех каналов восприятия... Смерть... Как он хотел попасть на ее блаженные берега, обрести нерушимый покой на ее бархатном ложе!

Новая изощренная западня: у него появились признаки сексуального возбуждения. Еще ни разу в жизни с ним не случилось ничего подобного.

Влечение к неопишуемому и бесплотному было настолько сильным, что он перестал сопротивляться. Черная любовница без лица уводила его к первому и последнему оргазму... Его спасло лишь то, что он еще не испытал всего ужаса осознанной обреченности.

Внезапно он почувствовал, что попал в ствол фонтана, бьющего в другое измерение сна, и слепо поддался давлению. Оно вынесло его в лабиринт, но здесь Сашу ожидало новое разочарование. Лабиринт съезжился, будто дерево с усохшими ветвями. Тот же демон медленно затягивал петлю...

Теперь на перекрестке было гораздо меньше сновидений, а безопасных почти не осталось. Некоторое время Саша болтался среди текучих призраков снов, не позволяя ни одному из них завладеть им полностью, и наслаждался прозрачностью этого зыбкого космоса. Ему не хотелось думать о том, как он будет возвращаться.

И вот тогда он «услышал» ЗОВ.

Вначале зов был очень слабым; он звучал тревожной нечеловеческой музыкой в звенящих потоках кошмаров. Ненадолго погружаясь в туннели, пронизывающие обманчивую бесконечность, Саша узнал о беглеце. Где-то не очень далеко происходило что-то страшное. Там шла охота на одного из подлинных обитателей многомерного мира, на того, к кому он всегда

боялся даже приближаться, — на существо более древнее, чем звезды...

Сейчас оно пряталось, пыталось уйти от преследователей, перебирая сотни чужих и доступных ему снов, но нигде не было надежного убежища. Зловонное дыхание герцога, похожее на низкочастотную пульсацию пространства, раскачивало перекресток; Саша понял: еще немного — и он сам окажется жертвой истинного хозяина, жалким призраком на окраине сновидений, одной из самых скучных игрушек сверхъестественного убийцы.

И все же он был пока слишком незаметен, слишком ничтожен, чтобы сразу стать добычей. Таких, как он, герцог мог найти десятки на любом перекрестке... Саша медленно удалялся от охотника, в то же время с жутким восторгом замороженного ощущая, что приближается к источнику зова...

С ним разделила свой бред женщина, страдающая от неудовлетворенности в окружении горячей плоти инкубов. Это был ад, разожженный падшими ангелами, в котором остались аквариумы холода и самодостаточности, полные запретного и недоступного героина. Поэтому насилуемая превращалась в пепел и дым. Каждую ночь ее тело рассыпалось, как сгоревшая бумага...

Следующий сон. Падения. В эту самую

секунду несколько тысяч человек в разных частях планеты падали с крыш, верхних полок вагонов, обрывов, лестниц, вываливались из окон небоскребов и пробивали своими телами автомобили. Некоторые приближались к смерти в салонах самолетов, терпящих катастрофу. Саша падал вместе с ними сквозь сны. В снах была тревога и предупреждение. Он знал, что подавляющее большинство предупрежденных не обратят на это никакого внимания и уж точно никто из них не сможет отметить момент смерти своего двойника и понять закономерность, приводящую к гибели...

Наконец он перебрался в очень доступный сон, снисшийся по крайней мере сотне тысяч людей, — сон о мертвой рыбе, — и почувствовал ЕГО близость. ОНО пронизывало все вокруг сигналами о присутствии — древнее существо с изнанки жизни. Время бессильно стекало с него миллионами своих капель-секунд.

Для Саши существо не имело облика и формы. Оно было живым облаком, средоточием иллюзий, бесплотным — и потому более реальным, чем материя... К своему счастью, он не мог представить себе беглеца и, следовательно, не мог ужаснуться.

«СПРЯЧЬ МЕНЯ...»

Замороженный страхом и подавленный вибрациями твари, он ждал... Потом до него дошло нечто невообразимое: существо просило его о помощи! Это была высшая, абсолютная степень доверия — почти невозможная там, где любая зависимость означала смерть.

Он ничем не заслужил подобного доверия, если не считать того, что был единственным, кто откликнулся на зов. И все-таки Саша не видел причины, по которой он оказался избранным. Разве что у существа не было другого выхода. Конечно, именно так. Беглец шел на отчаянный риск, пытаясь выскользнуть из сетей герцога...

Мальчик задрожал, когда понял, что имеет шанс стать тюремщиком, хранителем, ХОЗЯИНОМ непостижимой твари. Но все это было не то! Он не хотел владеть ею. Он хотел быть ее союзником.

«СПРЯЧЬ МЕНЯ!..»

Саша начал искать убежище для себя и беглеца, лихорадочно перебирая сны. Он знал один труднодоступный закоулок в самой глухой части лабиринта — сон, приснившийся, кроме него, только двум людям за многие тысячи лет. И оба уже были мертвы.

Некий астроном оказался первым, кто проник

в неизведанные сферы потустороннего существования. Он сумел сохранить рассудок, правда, забросил науку и всерьез занялся мифологией. Вторым был художник по имени Игорь Седой. Однажды он, на свою беду, случайно добрался до того же «места». Сделанное открытие стоило ему жизни.

Времени на колебания больше не осталось. Саша растворился в беглеце и повел его за собою в убежище...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ирина жила в доме довоенной постройки со стенами полуметровой толщины, высокими потолками и огромными коридорами. Ее двухкомнатная квартира находилась на третьем этаже; из окон открывался вид на тихий дворик, в котором летом было довольно уютно. Дом населяла состоятельная публика, не на шутку озабоченная тем, чтобы выглядеть солидно во всех отношениях, и даже основательные дубовые перила на лестницах хранили фальшивый дух старины и респектабельности.

Тяжелая дверь захлопнулась, и Голиков тотчас почувствовал себя запертым в сейфе. Он помог пострадавшей раздеться. Рукав и воротник шубы были испачканы в крови. Не зажигая света,

Ира исчезла в ванной. Зашумела вода, и спустя минуту Максим услышал приглушенные ругательства.

Сам он не раздеваясь прошел в комнату и нащупал на стене клавишу выключателя. С первого же взгляда было ясно, что квартира представляет собой любовное гнездышко. Огромная комната, роскошная мебель, мягкий свет люстры из молочного богемного стекла, несколько журналов «Космополитен» и «Вог» на низком столике, початая бутылка старого армянского коньяка, блок «честерфилд», золотая зажигалка «данхилл», проигрыватель «торанс», CD-плеер «филипс», ламповый хай-энд и вмонтированные в стену двухсотваттные акустические системы JBL 3000...

Голиков упал в удобное глубокое кресло возле полочки с компакт-дисками. Кенни Джи, Дэйв Грузин, несколько сборников «Sex amp; Sex». Сладенький набор... Но сейчас ему было не до музыки. Макс поискал глазами рюмку. Не обнаружив ничего подходящего, кроме двух бокалов со следами губной помады, он взял бутылку коньяка и хлебнул прямо из горлышка. Обжигающая жидкость растеклась по пищеводу, и приятное тепло наполнило желудок.

Старинные маятниковые часы пробили половину девятого.

Почему-то Макс не мог заставить себя снять

пальто. Конечно, это было нелепо, но ему казалось, что без верхней одежды он останется голым и незащищенным. Сейчас, здесь, в этой теплой хате, он почувствовал настоящий страх. Сезон охоты открылся, а дичь даже не знала, в чем провинилась...

Чтобы заполнить жутковатую пустоту, Голиков вышел в коридор за сумочкой, брошенной на стуле рядом с вешалкой. Вытащил тетрадь, вернулся в комнату и снова расположился в кресле. Потом открыл дневник Строкова на первой попавшейся странице. И наткнулся на подобие какого-то коротенького, но весьма претенциозного эссе, которое свидетельствовало о нереализованных амбициях автора.

* * *

«...26.01. 23 часа 05 минут — 23 часа 55 минут...

...Я ничего не сказал. Я ничего не сделал. Я ничего не написал и не напишу никогда, кроме этих строк... У меня больше не будет ни настроения что-либо писать, ни возможности сосредоточиться. Я ненавижу сосредоточиваться...

...Мимо проходят годы, люди, ненависть, любовь, красота. Все проходит мимо. Остается только вопиющий, непередаваемый ужас жизни. Зачем я пишу об этом? Чтобы вспоминать когда-нибудь, о чем я думал и каким я был?..

... Если постоянный назойливый шум в голове считать мыслями, то вот первая: настоящих книг **ВООБЩЕ** не существует. Кто покажет мне по-настоящему ужасную книгу? Или по-настоящему большую книгу? По-настоящему правдивую книгу? Кто напишет их? Кто напишет их за секунду до своей смерти?.. Или взять того, кто познал настоящую, окончательную правду, — разве его интересует такая мелочь как книга?..

...Все искусство — ложь. А значит, искусства не существует. Любой, взявший в руки бумажную безделушку, должен понимать, что это — очередной мираж. Мысли становятся миражом для меня самого к тому моменту, когда я собираюсь высказать их, и только на этой планете находятся еще дураки, готовые платить деньги за то, под чем не подпишется ни один человек, если он, конечно, не законченный болван... И все тонет в океане этой ненужной трескотни, от которой спасение только в снах, но и те снятся, похоже, не нам... И все эти пишущие, пляшущие, поющие, рисующие ребята, конечно же, дурачат нас. Возможно, некоторые делают это бессознательно. Возможно, некоторые дурачат сами себя...

...Меня тошнит от слова «творчество». Меня тошнит от творческих людей. И меня тошнит от себя самого, потому что мне нравятся кое-какие книги и кое-какая музыка. Надеюсь, тем, кто сочинял все это, было нескучно...

... Зачем? Вот вопрос вопросов! Вопрос, стоящий в тупике всех начинаний, всех попыток улыбнуться и

всех попыток зарыдать всерьез. И слава Богу!.. Зачем? Короткое слово, тяжелой, готовой обрушиться глыбой зависающее над моей рукой, которая вяло потянулась к перу. И над моей головой, обращенной лицом к пустому небу, с глоткой, которая открылась для воя. И над моим телом, готовым содрогнуться в пароксизме почти сексуального удовлетворения... Я ненавижу писать, говорить, объяснять. Это проклятие моей природы, всего моего существа, не приспособленного для кайфа. Что это за кайф, для которого нужно еще что-то, кроме моего настоящего «я» — безмолвного и зыбкого, как солнечный свет?..»

* * *

Раздался звук открываемой двери, и Макс сделалось неудобно. Ему совершенно не хотелось встречаться с тем, кому принадлежала эта квартира. Однако тяжелый день, судя по всему, еще не закончился.

В комнате появился высокий тип с красивым лицом и жестким оценивающим взглядом. На нем был костюм канареечного цвета, галстук с бриллиантовой заколкой и туфли на тонкой подошве, из чего следовало, что на улице его ждала машина. Казалось, он только что вышел из парикмахерской. Подбородок идеальной формы лоснился в электрическом свете.

Незнакомец бросил на Максима неприветливый пренебрежительный взгляд и уселся в свободное кресло, закинув ногу на ногу. Видимо, он был слишком крут, чтобы снизойти до разговора. Голикову приходилось встречать таких придурков, которые искренне считали себя солью земли. От тех семерых, напавших на него под фонарем, этот отличался только чуть большей утонченностью в манерах и одежде.

Красавчик закурил сигарету «мальборо» с «легким» табаком, выпуская вверх тонкие струйки дыма. На его указательном пальце мерно раскачивался серебряный брелок в форме египетского креста «анх», символизировавшего таинства загробной жизни. Эта деталь как-то не вписывалась в образ и не соответствовала первому впечатлению, которое производил незнакомец.

Из ванны появилась Ирина. Она переделалась в длинный халат; волосы были собраны на затылке. Она смыла остатки косметики, но, по мнению Макса, не стала от этого менее красивой. Зато теперь была хорошо видна свежая рана на левой стороне лица. Из нее все еще сочилась кровь. Даже незначительное сокращение лицевых мышц причиняло девушке боль.

— А, это ты... — растерянно сказала она, увидев человека в ослепительно желтом костюме.

— Кто это? — буркнул тот, даже не взглянув

на нее.

Ирина присела на узкий диванчик и устало откинула голову на спинку.

— На меня напали. Он помог мне и привез сюда.

Человек в канареечном костюме еле заметно зевнул, не прикрывая рта.

— Разве я даю тебе мало денег на тачки?.. Кто напал? Скажешь Ягненку, он с ними разберется.

— С ними уже разобрались.

Незнакомец недоверчиво посмотрел на Голикова и хмыкнул.

— Тогда я плачу за услуги. Сотни хватит?

Макс не понимал, к кому он обращается.

— Слушай, Виктор, — тихо сказала Ирина. — Меня порезали. Бритвой.

— Да ну? — Тот, кого назвали Виктором, впервые проявил некую заинтересованность. Он встал и подошел к девушке. Взял ее за подбородок и развернул лицом к свету. Несколько секунд он с брезгливой гримасой рассматривал рану, потом налил себе грамм пятьдесят коньяка в бокал со следами помады.

— Ты поедешь со мной, — бросил он Максу. — Поможешь найти этих уродов. Я хочу, чтобы они извинились.

— В другой раз, — сказал Голиков.

Виктор повернулся к нему с недоуменным

видом, как будто не поверил своим ушам.

— Я же сказала — извиняться уже некому! — раздраженно крикнула Ирина.

— Тсс-с-с, — произнес Виктор с очень нехорошей усмешкой. С его сигареты упал столбик пепла и рассыпался по ковру. — В любом случае товар испорчен, и ты должна понимать это. Завтра освободишь хату. Ключи отдашь Майку.

Он загасил недокуренную сигарету в бокале с остатками коньяка и направился к выходу. Из темного коридора появилась его рука. Указательный палец был направлен на Максима.

— Тебя я запомнил, — сказал Виктор и закрыл дверь.

Голикову вдруг стало жарко. Меньше всего ему были нужны дополнительные неприятности. Снаружи донесся визг шин отъехавшей машины.

— Твой факер? — спросил он у Ирины.

Та не поняла (или сделала вид, что не поняла) и закрыла глаза ладонью. Макс догадался, что она беззвучно плачет.

Когда тишина стала нестерпимой, он нарушил ее вопросом:

— К кому ты переедешь?

— Не знаю, — зло бросила она.

— Тогда я пошел, — сказал Голиков, сворачивая дневник Строкова в трубку и пряча его в карман. Дискеты он собирался вытащить из

сумочки в коридоре, но обнаружил, что та исчезла.

— Подожди. — Голос девушки остановил его возле двери. — А мне куда деваться?

«Это твои проблемы», — хотелось ответить Максиму и побыстрее исчезнуть из этой квартиры, которая уже не наводила его на мысли о ночи любви, но что-то помешало ему так поступить. Не сострадание и не жалость. Даже не комплекс «настоящего мужчины». Наверное, ему понравилось, что Ирина не ныла по поводу своей навеки испорченной вывески. Кроме того, он чувствовал, что общая тайна и недавно совершенное убийство связывают их сильнее, чем ему хотелось бы. Шок пройдет — и тогда одно слово этой женщины может погубить его.

— ...Вообще-то, я живу один, — сказал он, не глядя на нее. — Завтра ты сможешь перевезти свои вещи.

— Я не хочу оставаться здесь сегодня. И у меня очень мало своих вещей.

* * *

Она была права. Все ее вещи поместились в большую сумку. Перед тем как выйти на улицу, Максим выглянул из подъезда. Любая из машин, припаркованных возле дома, могла принадлежать Виктору. В конце концов, отбросив бессмысленную

осторожность, парочка отправилась к ближайшей станции метро. Денег на такси у Макса уже не хватило.

Деньги Ирины исчезли вместе с сумочкой и дискетами.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Янус — один из малых спутников Сатурна. Его масса составляет одну двадцатитысячную массы Луны, диаметр — триста пятьдесят километров, а диаметр орбиты — триста пятнадцать тысяч километров. Период обращения — около восемнадцати часов.

За пять миллиардов лет существования Солнечной системы приливное ускорение, создаваемое на Янусе планетой-гигантом, затормозило его вращение, и теперь он был повернут к Сатурну одной стороной. Другая сторона периодически слабо освещалась маленьким шариком Солнца. Поверхность спутника была покрыта водяным и метановым льдом.

Ледяное королевство, погруженное в вечные сумерки. Неизменное господство зимы. Страна уснувших фей и мертвых гор. Таким увидел этот осколок тверди первый человек, нашедший загадочную усыпальницу в километровой толще льда.

Но человеку снилось и другое — то, что находилось за пределами физики и логики. Это место с незапамятных времен было спящим телом Януса — демона дверей, входов и выходов. Двери вели вовне и внутрь усыпальницы; двуликий кошмар оказался обращенным в обе стороны — к тому, кто прятался, и к тому, кто искал. В глубине этого кошмара была спрятана тайна прошлого и будущего.

* * *

...Миллиарды лет назад завершился процесс творения.

И был темный, неразличимый остров в застывшем океане, где двигались лишь частицы света и края теней. Гигантская полость внутри острова могла присниться только неортодоксальному астроному, но теперь ее заполняла субстанция беглеца. Саркофагом ему служила вся планета. Идеальное убежище — до тех пор, пока слуги герцога не найдут его... или ребенка.

— УХОДИ!.. — попросила благодарная тьма, и Саша с трудом оторвался от созерцания двуликого Януса.

Неудивительно, что кошмар отравил чувства Седого. Художник был гораздо более

впечатлительным, чем слепой мальчик, и это погубило его.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Он проснулся в кресле. Беззвучно мерцал экран телевизора. Макс вспомнил, что смотрел его далеко за полночь. В местных ночных новостях прошло сообщение о трех трупах с огнестрельными ранениями, обнаруженных в районе станции метро «Пролетарская».

Потом ему снился какой-то сон, почти кошмар, — о слепом ребенке, которого он искал в пустой гостинице. Конечно, он не мог сказать, зачем ему нужен этот мальчик, и даже — был ли мальчик вообще... Макс бродил по бесконечным полутемным коридорам, поднимался и опускался с этажа на этаж. Везде были двери, двери, двери. Слишком много комнат, чтобы обыскать их за всю жизнь. Иногда он слышал слабый отзвук детских шагов, как будто ребенок, играя, убегал от него...

Он вздохнул. Дурацкий сон. Дурацкое место. Хорошо, что его не существует в действительности. «Нужно будет взять отпуск, сменить обстановочку», — подумал Голиков и повернул голову вправо.

Ира спала на диване, закутавшись в плед. Сейчас она выглядела очень юной, беззащитной и

не вызывала у него желания. Ее лицо казалось фарфоровым. На краях разреза запеклась кровь.

Он вышел на кухню и стал варить кофе. За окном занимался унылый рассвет. Мысли текли вяло и беспорядочно, как грязные талые воды по тротуарам. Макс думал о том, зачем Виктору могла понадобиться сумочка любовницы. Тот взял ее не ради помады, пудры или даже кошелька... Максим вспомнил о брелке в форме символа «анх». Теперь уже Виктор не казался ему случайно попавшимся на пути богатым болваном.

Голиков снова взял в руки дневник Строкова. Отхлебнул из чашки обжигающего кофе и раскрыл тетрадь. На этот раз страница начиналась со стихов, написанных в новогоднюю ночь.

* * *

«...31.12. 23 часа 47 минут — 1.01. 01 час 28 минут.

Он не хочет сойти с ума.
Он вдруг увидел, что достиг
середины черного сердца.
Внутри у него ревушая тишина,
снаружи — погребальная музыка
свадебных маршей.

Город — затемненный корабль,
неизбежно плывущий
к омертвелому айсбергу.
Смотрю в дыру,
из которой дует ветер.
Ожившее чучело в темноте
движется к нейтральной полосе.
В куче тряпья тоскливо бьется
голодный ветер,
не находя дрожащего тела...
Город сквозных течений воздуха,
трупного запаха, лилового света.
Крысы на задворках
пережевывают новый день.
Еще ниже уровень холода,
падает ртуть,
неприкаянный взгляд
скользит по лысому миру.
Если замерзнешь — спускайся вниз!
«Сколько можно жить?» —
спрашивает сморщенное существо
из шезлонга.
Одно и то же, одно и то же...
Движение в нескончаемом тумане.
Растекается ночь, падают руки.
В моих перепонках бьется ветер.
Все сильнее рвется пространство...
Смотрю в глубину шезлонга —

моя мертвая жена
улыбается какому-то солнцу...
Неужели ты, крыса, не чувствовала? —
Мы давно идем ко дну...»

* * *

Макс вздрогнул. Ирина стояла рядом и смотрела в дневник через его плечо. Она подошла совершенно бесшумно, или он сам настолько забылся, что ничего не слышал. «Неужели ты, крыса, не чувствовала? — Мы давно идем ко дну...»

— Налей мне кофе! — попросила Ира.

Она пахла постелью, от нее исходило томное тепло. Припухшие веки и полные губы выглядели очень чувственно. Макс понял, что думает не о том, и спросил:

— Чем занимается Виктор?

— Он никогда не посвящал меня в свои дела. А я не интересовалась, потому что предпочитала ничего не знать. Думала дольше проживу. — Она саркастически усмехнулась и присела на стул. — Ему принадлежит ночной клуб «Черная жемчужина», но это не основной бизнес.

— А кто такой Майк?

— Его дружок. Мерзкий тип. Майка почти

всегда можно найти в «Жемчужине»...

— Вчера Виктор прихватил с собой твою сумочку с дискетами.

— Что?! — Она чуть не разлила кофе.

— Тебе это кажется странным?

Она выглядела растерявшейся.

— Черт!.. Может быть, это ты ее спрятал?

— Не будь душой! Я даже не знаю, что на этих дискетах. А кстати, что на них было?

Она помедлила. Макс ее не торопил. На Иркином месте он и сам не доверял бы никому... Потом она, видимо, поняла, что их связывает не просто случайная встреча, а три мертвеца и еще, возможно, смерть самого Строкова.

— Думаю, что там был полный текст книги...

— Какой книги?

— «Путеводителя по снам».

Дореволюционная книга Якова Чинского.

Голиков решил, что увидел если не свет в конце туннеля, то по крайней мере сам туннель.

В этот момент раздался звонок в дверь. Макс дернулся от неожиданности. На часах было семь ноль пять. Слишком рано для любого визита. Разве что Виктор уже выследил его...

Он подошел к входной двери и посмотрел в глазок. Площадка была пуста. Рядом на вешалке висело его пальто, в кармане которого лежал «беретта». Это не очень успокаивало, но на всякий

случай Макс надел пальто.

Звонок раздался снова. В другое время ситуация показалась бы Голикову смешной, как в том анекдоте про слона и комара, нажимавшего на кнопку звонка. Он открыл дверь. За нею никого не было.

Внезапно он ощутил легкое дуновение воздуха, словно с площадки в квартиру потянуло сквозняком. Это был довольно странный сквозняк — он обдувал Макса только с одной стороны.

На краю поля зрения промелькнула какая-то тень, переливавшаяся всеми цветами радуги. Нечто подобное видят гипотоники, когда барахлят сосуды в голове. Но Голиков только что выпил чашку крепкого кофе и не жаловался на давление.

Он запер дверь и хотел вернуться в кухню. Проходя мимо гостиной, он увидел ноги человека, сидевшего в кресле.

* * *

Макс любил мистику. На бумаге и на экране телевизора. Его интерес к этому предмету был отвлеченным и ни разу не пересекался с реальностью, а тем более никогда не воплощался в быту. После встречи с черной кошкой Голиков не сплевывал трижды через левое плечо, не верил гадалкам, не поддавался гипнозу, у него не бывало

видений и вещей снов. Душа была слишком прочно привязана к телу и не покидала его для бесплатных путешествий.

Он нащупал в кармане пистолет и вошел в комнату. В кресле сидел невысокий стройный человек лет шестидесяти, с благородными чертами лица, короткой седой бородкой и маленькими руками безупречной формы. Ногти были отполированы, при этом обращали на себя особенное внимание тщательно ухоженные длинные ногти на мизинцах. Тускло блестели три или четыре перстня.

Человек был одет в строгий черный костюм и легкое длинное пальто. Что-то неуловимо архаичное угадывалось в его облике, в манере держать себя и в одежде, но Макс никак не мог осознать, что же именно.

У незнакомца были большие и странные глаза. Слишком прозрачные и почти бесцветные. По этой причине Голиков затруднился бы определить их выражение. Они выглядели как пустые стекла. При желании и наличии фантазии их можно было принять за осколки зеркал. Точки зрачков казались исчезающе маленькими.

— В чем дело? — спросил Макс, не садясь и не приближаясь. Почти сразу же девушка вскочила со стула и подбежала к нему. Ее ледяные пальцы обхватили его предплечье. Только теперь заметив

свалившегося им на голову старичка, Ирка судорожно вздохнула.

— Доброе утро, молодые люди, — вежливо поздоровался незнакомец. У него был легкий акцент, приятный низкий голос, и вообще он обладал редким качеством: несмотря на бесцеремонное вторжение, он почему-то не вызывал ни раздражения, ни возмущения. — Прошу простить меня за неожиданный визит. Я пришел, чтобы вы помогли мне, а я в долгу не останусь и, в свою очередь, постараюсь помочь вам. Так сказать, буду рад посодействовать в решении некоторых проблем... Да вы проходите, садитесь! Уверю вас, я совершенно безопасен... пока ничто не угрожает моим интересам.

Ирина покорно присела на диван. Невзирая на ранний час, Максим достал из бара бутылку водки и три рюмки. Сходил на кухню за лимоном и нарезал его. Поймал себя на том, что тянет время. Видно, почувствовал: этот человек вовлечет его во что-то очень нехорошее. Впрочем, он и так уже был по колено в дерьме.

Вернувшись в комнату, Макс обнаружил, что незнакомец развлекает даму карточными фокусами. Колода появилась неизвестно откуда.

Голиков наполнил рюмки и молча выпил первым. Потом с угрюмым видом съежился в кресле.

Седобородый человек убрал колоду во внутренний карман, изящно держа ее двумя пальцами.

— Начнем? — спросил он с улыбкой.

— Начните с того, как вы оказались здесь, — сказал Макс.

— Ну, это очень просто. Я вошел через дверь. Вы не увидели меня, потому что не захотели увидеть. Перейдем к делу. Зовите меня Клейн. Господин, гражданин или товарищ — мне все равно.

— Странно, — сказала Ирина. Она не притронулась к своей рюмке; ее взгляд был устремлен в стену. — Когда-то я видела вас во сне, и тогда вас звали Калиостро.

Клейн снова улыбнулся Максу.

— Женские фантазии, — бросил он снисходительно. — Наверное, это был очень давний сон?.. Так вот, любезный э-э-э...

— Максим, — подсказал Голиков.

— А дальше?

— Максим Александрович.

— Любезный Максим Александрович! Я буду предельно краток. Некий Строков незадолго до своей смерти завладел одной старой книгой. Он использовал ее для написания дурацкой брошюрки, потом сжег оригинал. У меня есть сведения, что полный текст книги сохранился на... как это

называется... компьютерных дискетах. Я знаю, что они находятся у вас. Не могли бы вы отдать их мне?

— Зачем они вам?

— Вы хотите знать ненужные и вредные для здоровья вещи. Поверьте, мне будет жаль, если с вами, а тем более с дамой что-нибудь случится. Забудьте обо всем и спокойно живите, как жили раньше.

— Вы угрожаете?

— Боже упаси! Ни в коем случае. Я только пытаюсь оградить вас от лишних проблем. Зачем вам вступать в игру, в которой нельзя сказать «пас»? Я знаю, что вы совершили убийство... конечно, конечно, — это была самозащита! Но уже тогда вы должны были понять, что игра идет всерьез.

— Именно поэтому мне не дадут жить спокойно.

— Я позабочусь о том, чтобы вас оставили в покое.

— Сомневаюсь...

— Между прочим, — Клейн посмотрел на Ирину и провел пальцем от своего виска к подбородку, — это тоже можно исправить. Я немного разбираюсь в нетрадиционной медицине.

— Звучит заманчиво, — ответил Макс за девушку. — Но совершенно неубедительно. Я до сих пор не понял, почему мы должны отдать вам

дискеты и каким образом вы собираетесь избавить нас от всех проблем.

Клейн некоторое время смотрел на него, вернее, сквозь него. Максусу показалось, что его собеседник не дышит — настолько плотной была тишина. Комнату наполняли непонятные флюиды. Глаза Клейна сверкали в полумраке, как бельма слепца.

— Не думаю, что вся правда покажется вам более убедительной, — сказал наконец гость. — Видите ли, излагая факты, я ничем не рискую. Вам все равно никто не поверит, и вы сами вряд ли поверите мне. Жизнь придется рисковать вам. Обратного пути не существует. Мы будем связаны до конца ваших дней.

— Насчет риска вы уже говорили.

— Что ж, извольте. Я — масон. Когда-то давно, в самом начале века, некий Чинский изменил своей клятве. Другими словами, он предал интересы ложи. К сожалению, он был посвящен в некоторые тайны и сделал их достоянием многих нежелательных лиц. С последствиями этого чудовищного поступка приходится бороться до сих пор, и они далеко не исчерпаны... Я вел охоту за всеми экземплярами его книги почти целое столетие. Уничтоженный Строковым экземпляр был последним. Вернее, предпоследним, если вспомнить о... дискетах.

— Извините, но мне это кажется бредом, — остановил его Макс. — Массонская ложа, столетняя охота, тайна книги... Смаживает на бульварный роман...

— Если угодно. Иногда жизнь действительно кажется бульварным романом. Только платить за недоверчивость приходится очень дорого... Чинский вложил новое оружие в руки наших врагов. Оружие не холодное и не огнестрельное. Вообще не материальное. Это было бы слишком вульгарно. Что бы я ни сказал по этому поводу, вы вряд ли меня поймете.

— Допустим. Что вы имели в виду под «последствиями»?

— Вы воистину странный человек. Болезненно любопытный. Как голодная мышь возле заряженной мышеловки... Итак, последствия. Например, революция в России. Третий рейх. Красные кхмеры. Упадок Китая. Вожди с маниакальными задатками и сильнейшими комплексами неполноценности. Они становились совершенно неуправляемыми, и их приходилось убирать... Наркотики. Культ вуду. Гаитянский террор. Мафия. Рок-н-ролл. Атомная бомба. Секта Муна...

— Черт! — выругался Голиков. Упоминание о рок-н-ролле взбесило его. — Разве вы сами не понимаете, насколько дешево это звучит?! Все эти

басни о вселенском зле, кукловодах человечества и масонских заговорах... И причина всех бед — одна жалкая книга!..

— Кто тут рассуждает о зле? Разве я говорил, что представляю силы добра? Мне пришлось убить за свою долгую жизнь не менее сотни людей. И не только людей... Вы совершенно извратили смысл сказанного. Я подчеркивал хаотичность происходящего. Есть вещи, которые невозможно объяснить чем-либо другим, кроме массового безумия. Что вы знаете о причинах? Разве вы хотя бы задумывались о них? Или о том, куда приведет вас этот порочный путь? Вы просто ничтожный человек, отравленный так называемой цивилизацией, которая превратила вас и подобных вам в мягкотелых слюнтяев, даже не осознающих своей рабской зависимости! Такие, как вы, прозревают только за секунду до смерти, если вообще прозревают... Извините за резкость.

— Ничего, ничего. Я не воспринимаю абстрактную болтовню. Из ваших слов следует, что вы были свидетелем измены Чинского. Сколько же вам лет?

— Очередная глупость, — мягко сказал Клейн. — Вы хотите услышать то, против чего протестует ваше сознание. Но подсознание жадно тянется к запретному плоду... Пожалуйста, подойдите ко мне. Я хочу показать вам кое-что

конкретное. Может быть, это вас убедит.

Макс встал и подошел к креслу, в котором сидел масон. Их разделяло не более полуметра. В мерцающих глазах собеседника Голиков увидел свое отражение. Вблизи кожа на лице Клейна выглядела неестественно гладкой, будто пластмасса. Возникло впечатление, что на ощупь она окажется твердой... Как-то не очень кстати Макс вспомнил, что длинный ноготь на мизинце в старину действительно был отличительным знаком масонов.

— Попробуйте ударить меня, — неожиданно предложил Клейн. — Хотя бы для того чтобы доказать самому себе, что вы сумеете сделать это. Не стесняйтесь, смелее. Как там у нас с волей? Будьте мужчиной!

Макс резко поднял руку и обнаружил, что не может ударить этого человека. Он заставлял себя — безрезультатно. Но не потому, что его движениям мешало какое-то физическое препятствие или не работали мышцы. Просто ему не хотелось бить Клейна. Не хотелось, и все!

Он сам не верил происходящему. Оно было похоже на слишком реалистичный сон.

— Не получается? — сочувственно спросил Клейн. — Попробуйте хотя бы дотронуться. Это ведь вполне дружеское действие — в отличие от удара. Я уже не говорю о выстреле... Попробуйте!

Макс попытался. У него ничего не вышло. Тело Клейна было недостижимо, как будто находилось за прозрачной стеклянной стеной. И Голикову все еще не хотелось даже прикоснуться к этой стене...

Он посмотрел на смертельно бледную Ирину. Похоже, она воспринимала все гораздо серьезнее, чем он сам. К тому же она говорила о каком-то сне. Не забыть бы расспросить ее об этом...

— Впечатляет, — сказал Макс и налил себе еще водки. Часы показывали без десяти минут восемь. — Бутылка Клейна! — вдруг воскликнул он, припоминая какой-то термин из топологии. — Но меня не интересуют фокусы. До свидания.

Человек, сидевший напротив, улыбнулся и покачал головой.

— Мальчик мой! Я мог бы убить вас, даже не пошевелив пальцем, и взять то, что должно принадлежать ложе. Я нужен вам больше, чем вы мне. Поймите, у вас появился шанс. Воспользуйтесь им, и, может быть, вам откроется нечто по ту сторону реальности, которая кажется незыблемой...

Макс слушал его с пересохшим ртом. Возразить было нечего. Минуту назад он убедился в том, что старик не блефовал.

— Я вижу, теперь вы готовы сотрудничать, — заметил Клейн. — Извините, если чем-нибудь вас обидел. Это была всего лишь пошлая демонстрация

некоторых скромных возможностей. За пятьсот лет можно кое-чему научиться. Такой срок сближает запад и восток...

— Проклятие! Зачем все это?! — перебил его Максим, снова начиная раздражаться.

— Затем, что отныне нам придется помогать друг другу. Как видите, я могу быть полезен вам, потому что меня нельзя убить, пока я сам этого не захочу. До сих пор у меня не возникало подобного желания... Расслабьтесь. Покой должен быть безупречен — тогда в нем растворяются агрессивные вибрации... Насколько я понимаю, дискеты у вас украли.

— Именно. Правда, остался дневник Строкова...

— Опусы и личность Строкова интересуют меня в последнюю очередь. Если вы не возражаете, нам придется поискать дискеты вместе. Вы знаете, кто их взял?

Макс показал на Ирину.

— Ее знакомый.

Клейн повернулся к ней с мягкой улыбкой, способной сразить даже старую деву.

— Дорогая, проводите нас к нему, и я попытаюсь убедить его отдать эти злополучные дискеты.

— Он не из тех, кого можно убедить, — сказала Ирина. — В любом случае вы найдете его в

«Черной жемчужине». Повод войти у вас будет. Он приказал вернуть ему ключи.

Она вышла в коридор и достала из кармана шубы связку ключей. К брелку в форме символа «анх» были пристегнуты два ключа от дверных замков и один от почтового ящика. Ирина бросила связку на стол.

Клейн смотрел на ключи и брелок всего секунду; потом он откинулся на спинку кресла. На его глаза как будто набежала тень.

— Это меняет дело, — сказал он после долгой паузы. — Значит, ОНИ уже здесь...

— По-моему, ты была бы рада избавиться от нас, — задумчиво произнес Макс, глядя на Ирину, напряженно покусывавшую губы.

— Она тут ни при чем, — безразлично сказал Клейн. — Бедная девочка. Они использовали ее сны...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Зомби был очень голоден. Ранняя весна — не лучшее время для охоты. Многие одичавшие обитатели городских помоек, парков и окраин вымерли холодной долгой зимой. Зомби и сам чудом уцелел. Короткая шерсть не могла согреть его в морозы, и он спасся только благодаря тому, что устроил свое логово над подземной

теплотрассой.

Бультерьер истошал и был не в лучшей форме. Он превратился в скелет, обтянутый все еще могучими мышцами и кожей. Как белый призрак мелькал он между обледенелыми стволами и грудями смерзшегося мусора. Пес бродил в поисках хоть какой-нибудь пищи. Он копался в полусгнивших листьях, разрывал крысиные норы. Тщетно.

Наступила очередная ночь. Парк был совершенно пуст. Слишком холодно и поздно для прогулок. Луна пряталась где-то за плотными облаками. Зомби хотелось выть от голода и тоски. Он задрал голову к небу и вдруг почувствовал человеческий запах. В это время он рыскал неподалеку от главной аллеи в надежде обнаружить потерявшуюся домашнюю собаку или кошку.

К запаху пота и выделений примешивался резкий запах алкоголя. Зомби ненавидел его, но голод взял свое. Пес пробрался между кустами и оказался возле большого старого дуба. Под деревом лицом вниз лежал человек; он был мертвецки пьян. Легкая добыча... если бы не этот проклятый запах, отторгаемый всем собачьим существом!

Бультерьер залег в трех метрах от человека и стал наблюдать за ним. Голод терзал кишки и сворачивал в узел желудок. Зомби еще не забыл побои и нестерпимую боль — наказание, постигшее

его после того, как он укусил человеческую самку...

Шея человека была обнажена, и пес точно знал, где надо сомкнуть челюсти, чтобы все закончилось быстро. Он почти услышал воображаемый хруст позвонков и ощутил призрачный вкус крови во рту. Густая слюна стекала с его отвисшей нижней губы... Столько свежего мяса... Пищи хватит на несколько дней, и он снова станет прежним...

Зомби начал медленно подкрадываться к лежащему человеку. Пьяный зашевелился и прохрипел что-то. Вдобавок от него пахло блевотиной. И все же это было мясо!

Клыки Зомби обнажились перед нападением. Содержание адреналина в крови достигло максимума. Мощные когти пронзили листья и погрузились в рыхлую влажную землю. Пес приготовился к броску и быстрому убийству.

В этот момент ветер подул в его сторону, и еще один запах коснулся трепещущих ноздрей. Хорошо знакомый собачий запах, не испорченный алкогольными парами. Где-то рядом находилась жертва гораздо меньших размеров, но зато более вкусная. Зомби отклонился от линии броска и, миновав пьяного, пересек аллею.

На бывшей клумбе лежала убитая собака. Оказалось, что она не просто убита, а растерзана с

неизвестной целью, потому что куски мяса и внутренности, разбросанные вокруг, остались несъеденными.

Зомби никогда не видел столь жуткого и омерзительного зрелища. Собака была выпотрошена и расчленена, как будто ее препарировал безумный вивисектор. Конечно, это мог сделать двуногий, но бультерьер видел, что жертва разорвана именно зубами и когтями. Причем по величине зубы и сила челюстей убийцы не уступали его собственным. С точки зрения зверя, добывающего себе еду, подобная извращенная жестокость была совершенно бессмысленна.

В эти мгновения шерстинки, покрывавшие почти все тело пса, отделились друг от друга. Впервые в жизни Зомби захлестнула волна беспричинного ужаса. Впрочем, ужас был не таким уж беспричинным. Решающее значение имела потрясающая неожиданность, с которой зло вторглось в прежде простой и понятный мир, где действовало только одно правило: найди пищу — или сдохни. Далекое вдруг стало близким, и к постороннему присутствию еще надо было привыкнуть. Однако вряд ли это вообще возможно. Бультерьера накрыл конус кошмара, о котором раньше он имел лишь самое приблизительное представление.

Зомби понял, что в его парке появилась стая

Г-Е-Р-Ц-О-Г-А.

Но кем же тогда была эта легендарная тварь, если она убивала только ради удовольствия убивать? Разве враг не нуждался в пище? Чудовищная казнь на клумбе означала установление новой власти. Г-Е-Р-Ц-О-Г заявил о своих правах на эту территорию максимально быстрым способом, и даже Зомби почувствовал превосходство существа, которое, вероятно, могло принимать облик зверя. Но в извращении природного инстинкта хищника все-таки угадывалось что-то человеческое, что-то чересчур сложное, чего пес не сумел понять до конца...

Тогда он сделал единственно правильную вещь. Ведь ему нужны были силы для последней, самой страшной схватки в его жизни. Впрочем, он не сомневался, что Г-Е-Р-Ц-О-Г окружен свитой и стая разорвет чужака на куски раньше, чем тот сумеет приблизиться к собачьему дьяволу...

Он начал пожирать еще теплое мясо жертвы. Мясо, пропитавшееся смертельным ужасом и чужой слюной. Эта слюна обжигала пищевод Зомби, как яд, прежде чем попадала в топку его желудка. Но он продолжал есть, черпая силу из плоти мертвеца.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Тротуар перед «Черной жемчужиной» был выложен из фигурных плит. Сейчас, в одиннадцать часов вечера, они влажно поблескивали в свете фонарей. Клуб располагался в старом двухэтажном особняке, который стоял на тихой улице в самом центре города. После реставрации дом покрылся новой безвкусной оболочкой роскоши. Возле клуба были припаркованы несколько «мерседесов», «вольво» и рено», а также «джип чероки» и «мицубиси паджеро» с целой батареей прожекторов над крышей.

Голиков и Клейн приехали поздно вечером, надеясь застать здесь Виктора. Днем Макс съездил в свою контору и взял месячный отпуск. Это было легко. Депрессия углублялась, и шеф Голикова с радостью избавился на время от лишнего сотрудника. Найти прилично оплачиваемую работу становилось все труднее...

Макс внимательно наблюдал за Клейном. Человек, утверждавший, что ему полтысячи лет, вел себя вполне обыденно. Современные средства коммуникации и передвижения не вызывали у него никаких фобий. Макс спросил, бывал ли Клейн в Харькове, и тот коротко ответил: «Я знаю город», будто это все объясняло. Тем не менее, общаясь с ним, Максим по-прежнему замечал отдельные рудименты далекого прошлого: архаичные словечки, излишнюю учтивость, изысканные

манеры, пристальный интерес к некоторым деталям, давно утратившим значение для Голикова...

Когда они остановились перед дверью «Черной жемчужины», Макс обратил внимание на телекамеры наружного наблюдения. На внушительной черной двери с золотыми прожилками не было внешних ручек и запоров. Звонок также отсутствовал. Сюда входили только те, кого здесь ждали. Ни одной вывески — судя по всему, заведение не нуждалось в рекламе. В черном стеклянном пузыре над дверью искаженно отражалась улица.

Голиков не скрывал своего страха и своих опасений. Ему вовсе не хотелось ссориться с людьми, которые могли купить полгорода, а тем более вступать с ними в разборки. Клейн же был спокоен и безмятежен. Он постучал в черную дверь.

Прошло не меньше минуты. Потом дверь открылась, и в проеме появилась жуткая рожа охранника. Огромный бритый череп был испещрен шрамами. Короткая мощная шея распирала воротник. Казалось, вечерний костюм натянули на холодильник, к которому были приделаны мясистые руки и ноги. Характерно прищуренные глазки, как всегда в подобных случаях, смотрели в пустоту.

— Что надо? — прохрипел охранник.

— Здравствуйте, — подчеркнуто вежливо начал Макс. — Нам нужен Виктор. Мы должны передать ему его ключи. — Для большей убедительности он вытащил из кармана связку и поболтал ею в воздухе.

— Ждите, — бросил охранник, приготовившись закрыть дверь.

— Нет, любезный, мы все-таки войдем, — вдруг вкрадчиво сказал Клейн.

Голиков не взялся бы судить, что это было — мгновенный гипноз или какое-то иное влияние, — но охранник не возражал. Масон без видимых усилий отодвинул его в сторону.

Сраженный наповал новым проявлением способностей своего знакомого, Макс вошел вслед за ним в «Черную жемчужину».

Широкий коридор уводил в темноту. Здесь было абсолютно тихо. Справа находился офис охраны. Мониторы, сейф, холодильник, портативный металлоискатель. Пара плакатов: Саманта Фокс и Синди Кроуфорд. То, чего Максим опасался, не произошло, и «беретта» остался у него в кармане.

Он не сразу заметил еще двоих охранников, развлекавшихся компьютерной игрой и время от времени поглядывавших на мониторы телекамер. Клейн, видимо, сделал так, что они продолжали развлекаться и дальше.

Тот, который открыл дверь, достал из холодильника банку «пепси-колы» и развалился во вращающемся кресле. Воспоминание о странных посетителях (вернее, об одном — с необычными прозрачными глазами) как-то слишком быстро выветрилось из его головы. Он смотрел на мониторы и видел улицу с редкими прохожими. Все было вполне обыденно. Тем не менее последующие пятнадцать минут его терзало какое-то смутное беспокойство...

Макс и Клейн вышли в холл с мягкой мебелью и телевизором «сони» на подставке. Тускло блеснул позолотой единственный светильник. Отсюда начинались несколько коридоров, уводивших в различные части здания. Ожидался стандартный для подобных заведений набор: бар, ресторан, бильярд, карточный стол. Возможно, рулетка. Возможно, сауна. Возможно, номера с двуспальными кроватями. Однако нельзя было исключить и что-нибудь экзотическое.

Клейн наугад (хотя Макс уже сомневался в этом) двинулся прямо. Из-за толстой, хорошо пригнанной двери послышалась музыка. Дверь оказалась не заперта, и гости попали в ресторан.

Здесь было всего десять или одиннадцать столиков. На каждом стоял светильник с интимным абажуром. Лица сидящих оставались в тени. Сверкали платья, прически, побрякушки, бутылки и

столовые приборы. Между столиками скользили официантки, всю одежду которых составляли узкие блестящие трусики.

Уютная завеса из полумрака и сигаретного дыма окутывала сцену в углу. Там базировалась известная только узкому кругу лиц и потрясающе профессиональная группа. Гитарист играл скупно, но его резкие пассажи пронзали томно пульсировавшее тело блюза. Он пел безразличным голосом человека, который страдал слишком много:

...Кто гонит по моим венам
Темную тяжелую кровь?
На кой черт мне твоя дружба?
Мне нужна твоя любовь...

Макс увидел на его лице солнцезащитные очки. Потом он понял, что стекла очков были обычными, но заклеены изнутри черной бумагой. Гитарист не хотел видеть тех, для кого он играл.

Перед сценой, подчиняясь блюзовой качке, шатались две пары. Женщины были действительно красивы и действительно ухожены. Жаль только, что они слишком хорошо знали свою стоимость.

Клейн, совершенно не смущаясь, пересекал зал. Макс отдавал себе отчет в том, что оба они выглядят здесь более чем чужеродно. На каждом сидящем в этом кабаке болталось в виде тряпок и

украшений не менее тысячи долларов. Поскольку визит посторонних явно не был запланирован, некоторые клиенты начали заметно нервничать. Голикову оставалось лишь уповать на то, что Клейн поможет им всем расслабиться.

Откуда-то сбоку появилась скользкая учтивая личность неопределенного возраста и осведомилась, что им нужно. Макс опять изложил вполголоса свою смехотворную басню о ключах. Брови администратора поползли вверх, но быстро опустились на место, когда Клейн попросил показать дорогу к хозяину.

Человечек покорно проводил их до неброской двери в углу ресторана и растолковал, что делать дальше. За дверью обнаружилась лестница, ведущая на второй этаж. Тут они расстались, как лучшие друзья, правда, администратор вернулся в зал с жестокой головной болью, терзавшей его до конца ночи.

Поднявшись по лестнице, Голиков и Клейн оказались в святой святых «Черной жемчужины». Здесь работал и развлекался хозяин с ближайшими друзьями. Возле его кабинета дежурили два человека. Личности менее внушительных габаритов, чем гориллы у входа, но, без сомнения, гораздо более опасные.

Аура убийц была вполне ощутима. Пушки — почти незаметны под идеально сшитыми

пиджаками. Водянистые глаза смотрели, а профессиональные мозги оценивали, рассчитывали, предполагали, анализировали. Максим обратил особое внимание на расплющенные костяшки пальцев. Почти наверняка телохранители имели черные пояса. Это были хищники, обладавшие чисто человеческим коварством и рефлексами пантеры...

Как только Макс и масон появились в коридоре, один из телохранителей переброшил в левую руку радиотелефон и мгновенно извлек на свет свою пушку. Насколько Голиков мог судить, ствол был направлен прямо ему в лоб. Видимо, он казался более серьезным противником, чем пожилой человек рядом с ним.

Сторожевой пес начал подносить к уху радиотелефон, но что-то (наверное, опять непонятные штучки Клейна) помешало ему сделать это.

— Нам нужен Виктор, — объявил Голиков, преисполнившись храбрости.

Пистолет дрогнул и опустился.

— Хозяин никого не ждет, — хрипло сказал телохранитель. Было видно, что он борется с неосознанными противоречивыми желаниями.

— Пропустите нас. Пожалуйста, — до смешного мягко попросил масон. В эту секунду Макс обожал его. Он оценил прозвучавшую в

просьбе Клейна иронию.

Наверное, впервые в жизни хищники с пистолетами выглядели такими растерянными. Когда незнакомцы прошествовали мимо, телохранителей обдало неизвестно откуда взявшимся ветром. Ветром апатии и необъяснимой забывчивости...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Хозяин кабинета сидел, положив ноги на антикварный стол-бюро из палисандрового дерева. Теперь на Викторе был черный вечерний костюм с атласными бортами. На столе лежало небольшое круглое зеркало с несколькими линиями кокаина, готового к употреблению. В огромном, подсвеченном сзади аквариуме плавали экзотические рыбы. Благоухали живые цветы. Процеженное сквозь аквариум призрачное зеленое сияние заливало кабинет, отчего тот казался похожим на подводный грот.

Еще одним обитателем этого искусственного рая был смуглый человек, сидевший в кресле перед столом и потягивавший французский коньяк, — если судить по физиономии, вылитый латиноамериканец. Его черные усики агрессивно топорщились под длинным носом.

Виктор лениво поднял отяжелевшие веки. Его

глаза были затянуты мутной пеленой.

— Какого черта?.. — заревел он, но жест Клейна остановил его.

— Добрый вечер, — непринужденно поздоровался масон, прошел в кабинет и уселся в свободное кресло возле стола.

Голиков вел себя поскромнее. Если бы кто-нибудь нуждался в его признаниях, он не постеснялся бы признать, что боится последствий своего вторжения. Хорошим это закончиться, по его мнению, просто не могло. И он не понимал, какого черта ввязался в подобную авантюру.

Человек, пивший коньяк, смерил Клейна долгим взглядом. Потом обернулся и посмотрел на Макса.

— Кто эти фраера? — спросил он озабоченно. У него был сильный акцент неизвестного происхождения.

— Спокойно, Майк, — сказал Виктор. — Вот этого я знаю. — Он ткнул пальцем в Максима, убрал ноги со стола и склонился над зеркалом. — Не пойму только, как они вошли...

Впрочем, этот вопрос интересовал его не слишком сильно. Причиной мог быть Клейн или кокаин. Макс увидел диван у дальней стены и расположился там.

— Я хочу поговорить с вами об одном известном вам предмете, — сказал Клейн.

— О чем это ты, дедушка? — Виктор втянул линию и посмотрел на него с откровенной насмешкой.

— О дамской сумочке, в которой лежали дискеты.

— По-моему, он утомляет, — заметил Майк, отставив рюмку и потягиваясь в кресле. Со своего места Максим заметил под его пиджаком ремень плечевой кобуры.

— Пойди погуляй, — приказал Виктор. Его глаза вдруг сделались ледяными и очень, очень трезвыми, как будто он резко вышел из-под кайфа.

Изумленный Майк поднялся и отправился к выходу, захватив с собой бутылку. Дверь с шумом захлопнулась за ним. Без сомнения, он остался где-то поблизости, готовый в любой момент вернуться в кабинет. Если хозяин позовет.

— Я жду, — напомнил Клейн уже менее вежливо.

К большому удивлению Голикова, Виктор не вызвал охрану, не разыгрывал недоумение, не спорил и не пытался что-либо выяснить. Он молча повернулся к сейфу, вмонтированному в стену, и набрал код...

Его широкая спина полностью заслоняла дверцу сейфа. Через несколько секунд Виктор начал оборачиваться, и в его левой руке действительно была сумочка. Но в правой он

держал пистолет-пулемет «скорпион» чехословацкого производства, переделанный под советский девятимиллиметровый пистолетный патрон.

Макс не сомневался, что и Клейн уже увидел оружие, однако вежливая улыбка не исчезла с лица масона. А ведь «скорпион» оказался наведенным именно на него.

Следующие мгновения в восприятии Максима растянулись на целые секунды. Он понимал, почему нет очереди, — Виктор не смог выстрелить в Клейна, как сам он несколько часов назад не сумел ударить этого человека. На лице хозяина клуба отразилась сильнейшая внутренняя борьба.

С каким-то дурацким удовольствием от собственной догадливости Макс осознал, что произойдет дальше. Короткий ствол «скорпиона» качнулся вправо. Виктор выбрал себе более податливую жертву. Когда времени на спасение уже почти не осталось, наконец сработали инстинкты, и Голиков бросился на пол, вытаскивая из кармана пальто «беретту».

Гулкая размеренная очередь вбила аккуратные гвоздики в его барабанные перепонки, и кожаная обшивка дивана покрылась черными кляксами попаданий.

С треском распахнулась дверь. В кабинет ворвались Майк и двое телохранителей. В руке у

Майка был пистолет Стечкина — большая и серьезная двадцатизарядная пушка, переведенная к тому же на стрельбу очередями. «Стечкин», конечно, был направлен на Клейна, а не на лежавшего на полу Макса, и это спасло последнему жизнь.

Возникла секундная задержка, в течение которой Майк тоже обнаружил, что ему почему-то расхотелось стрелять в самодовольного старика, по-прежнему спокойно сидевшего в кресле. Тем временем Макс успел выстрелить в Виктора. Пуля попала тому в правое плечо и отбросила к сейфу.

Хозяин клуба выронил пушку, но не сумочку. «Скорпион» упал на стол, разбив зеркало с узором кокаиновых линий. Макс знал, что такое останавливающее действие пули, и знал, что стрелять надо несколько раз, но против четверых противников у него было маловато шансов...

Рефлексы Майка не отличались от рефлексов любого другого человека, поэтому очень скоро «стечкин» мощно загремел, перечеркивая очередью дорогое ковровое покрытие, лежа на котором Макс представлял собой идеальную мишень.

Голиков съежился. Его правая рука дернулась влево, и указательный палец трижды нажал на спуск — раньше, чем свинцовый град добрался до него. Глаза не различали деталей; он стрелял по силуэтам...

Людей из «Черной жемчужины» погубило то, что, ворвавшись в дверь одновременно, они представляли собой плотную группу. Девятимиллиметровая пуля «беретты» оказалась достаточно мощной, чтобы, попав в грудь одного из телохранителей, нанести ему контузящий удар и отправить обратно в коридор.

Вторая пуля угодила Майку в рот. Она сокрушила верхнюю челюсть и вылетела через затылок, забрызгав стену и потолок кровью и веществом мозга. Осколки зубов провалились внутрь; обезображенное лицо вдруг стало очень, очень мертвым и не похожим ни на что.

Ствол «стечкина» повело куда-то вверх; скрюченный в агонии палец все еще нажимал на спуск, и стеклянная стенка аквариума разлетелась вдребезги. На пол выплеснулись шестьсот литров воды с мирными сонными обитателями зеленого жидкого рая. Бьющиеся на полу рыбки представляли собой едва ли не более трагическую картину, чем падающий труп Майка.

И тут Макс оказался свидетелем потрясающего зрелища. Клейн встал с кресла и направился к хозяину кабинета, не обращая ни малейшего внимания на перестрелку. Правда, надо отдать ему должное — он старался не наступать на трепещущих рыбок...

Он подошел к Виктору, который в

полубессознательном состоянии сидел, привалившись к стене, и взял сумочку из его слабеющих пальцев. Открыл, убедился в наличии дискет и с удовлетворенной улыбкой двинулся к выходу...

Макс немного засмотрелся на этот спектакль и в результате получил пулю в мякоть левого предплечья. Второй телохранитель был очень близок к тому, чтобы набить свинцом его желудок. Их разделяло не более пяти метров. Голиков выстрелил еще дважды, и по крайней мере одна его пуля явно достигла цели, потому что телохранитель ударился спиной о наличник, после чего сложился пополам и опустился на колени.

Из коридора донесся какой-то шум. Макс не сомневался, что трое охранников, дежуривших внизу, скоро будут здесь. А ведь он наверняка видел еще не всех. Однако Клейн невозмутимо перешагнул через труп Майка и отправился обратно тем же путем, которым пришел сюда. В его поведении было какое-то ледяное, мистическое спокойствие, словно он оставался неуязвимой тенью среди всего этого ада.

— Стой, сволочь! — заорал Макс, понимая, что его использовали и теперь бросали на растерзание здешним псам. Но было поздно. Клейн исчез, а снизу по лестнице быстро приближалась смерть.

Макс посмотрел на окно. К счастью, на нем не оказалось решетки. Второй этаж — это не так уж высоко, если хочешь спасти свою жизнь. Повинуясь внезапному импульсу, Голиков рванулся к столу и схватил раненой рукой «скорпион», потом бросился к окну и пробил телом двойное стекло, стараясь уберечь голову. Лицо не пострадало; зато он сильно порезал локти.

Ночная сырость приняла его в свои объятия. Оглушительно завывала сирена охранной сигнализации... Макс пролетел совсем небольшое расстояние, со стоном ударился об наклонную проволочную сетку и покатился вниз. Упав на рыхлую землю, он понял, что очутился в саду. Уличные фонари освещали голые деревья и высокую чугунную ограду.

Макс уже решил, что спасся, когда вдруг увидел мелькающие между деревьями черные силуэты. Два добермана в металлических ошейниках устремились к нему с угрожающим рычанием. В эти секунды он почувствовал, что из размякшей и испорченной цивилизацией овцы («Клейн, мерзавец, ты был прав!») превращается в какое-то подобие охотника. Поэтому он терпеливо и расчетливо ждал, когда псы приблизятся вплотную, чтобы стрелять наверняка и не дать им напасть сзади.

Он увидел зрачки одного из доберманов, в

которых отразились уличные фонари, — зыбкие и ничего не выражающие осколки. Они взлетели над землей, когда пес прыгнул. Голиков выстрелил в упор. Зверь коротко взвизгнул, и врезавшееся в человека издыхающее тело было уже неопасным.

Второй сторож где-то затаился, а сверху вот-вот могла начаться стрельба. Максим бросился к ограде. Перелезть через узорчатую решетку было не так уж трудно. Он просунул сквозь нее пистолеты и начал подтягиваться на руках, когда в его ногу, пробив толстую ткань штанины, впились острые зубы.

Макс сдавленно взвыл от боли и ударил пса другой ногой, угодив каблуком по черепу. Этим он себе же сделал хуже. Ему показалось, что новая вспышка боли выжгла глаза; доберман повис на нем всей своей тяжестью, раздирая клыками мясо и нанося глубокие раны. Когти скребли по металлическим прутьям решетки — звук был таким, словно черти в преисподней чистили котел для нового клиента...

Макс ударил еще раз, невзирая на дикую пульсирующую боль, потому что понимал: это — его единственный шанс. Пес немного ослабил хватку. Голиков рубанул его по переносице ребром ладони, и челюсти окончательно разжались, освободив ногу из костяного капкана.

Не помня себя от удушающей ярости и почти

ничего не видя из-за выступивших на глазах слез, он перевалился через ограду и с трудом приземлился на уцелевшую ногу. Нашел оба пистолета и схватил их немеющими пальцами. Слава Богу, кость не была задета, и Макс, сильно прихрамывая, потащился подальше от «Черной жемчужины».

Из разбитого окна высунулись двое и начали стрелять по раскачивающейся фигуре. Пули ударялись о прутья ограды, высекали искры, с визгом уходили в сторону...

Максим упал, спрятавшись за бетонным парапетом, и прополз несколько метров под аккомпанемент истошного завывания сирены. Потом он понял, что двигается слишком медленно и не сумеет отползти достаточно далеко. Люди Виктора уже толпой повалили на улицу. Можно было не сомневаться, что большинство из них вооружены...

Он вскочил на ноги и, громко вскрикивая при каждом шаге, побежал вдоль забора. Он слышал топот множества ног. Его догоняли. Вероятно, теперь, когда он сделался легкой добычей, с ним хотели «побеседовать». С паяльником в заднице даже самые большие упрямы становятся такими сговорчивыми...

Отчаяние лишало его последних сил. Он понял, что все кончено, и вдруг заметил машину с

открытой дверью со стороны пассажира, стоявшую на краю проезжей части.

Никогда раньше он не видел такой тачки «во плоти». Приземистая, с клинообразным кузовом и заборником турбонагнетателя, убирающимися фарами и широченными шинами «пирелли», покрытая психоделическими узорами грязи и брызг, она была похожа на призрака нездешнего шоссе. Максу показалось, что это четырехсотпятидесятилетняя «ламборгини» класса GT, но он не стал бы биться об заклад. До сих пор ему попадались лишь не очень качественные и не изобиловавшие подробностями фотографии прототипа. Возможно, настоящие «ламборгини» имели поднимающиеся двери... За стеклами была непроглядная тьма. И все же открытая дверь, несомненно, означала приглашение.

Выбрав из двух зол меньшее, он неловко упал в салон задом, стараясь не сгибать истерзанную доберманом ногу. Мощный мотор взревел, и машина рванулась с места. Дико взвизгнули шины. Открылись слепящие бельма фар. Набегающий поток воздуха захлопнул дверь. Перегрузка была такой сильной, что Макса придавило к спинке сиденья, а кровь отлила от глазных яблок. Он впервые испытал, что означает набор скорости сто километров в час за несколько секунд.

Когда черные круги в поле зрения исчезли, он

повернул голову в сторону водителя. Его многострадальные глаза медленно полезли на лоб.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Саша с трудом выбрался из сна о Янусе. Он возвращался немислимо сложным путем, через опасные и редко посещаемые области кошмаров, но теперь риск был оправдан — ведь за ним шла охота, и он не мог выдать тайное убежище беглеца.

Среди ужаса и мрака в глубине его существа расцвел маленький цветок радости. Он спас своего союзника, и, хотя сейчас тот был бессилен, Саша знал, что, по крайней мере, он не совсем одинок в этом мире. Он испытывал непередаваемые чувства: впервые разделенные с кем-то тревогу, страх... и надежду. Надежда согревала слепого ребенка, несмотря на то, что он понимал: судьба подарила ему всего несколько дней и ночей.

На самом деле времени у него оставалось еще меньше.

* * *

Он проснулся от того, что ощутил какое-то воздействие извне. На сей раз — не прикосновение родительских рук...

Все еще была глубокая ночь, и самая близкая

звезда находилась где-то по другую сторону огромного шара планеты. Саша сразу определил, что рядом, в зоне угрожающей близости, оказались двое живых и подвижных существ, но это были не его родители. Те мирно спали за стенкой. Незнакомые существа суетились за входной дверью, излучая хорошо ощутимую ненависть.

Несколько секунд Саша лежал, скованный растерянностью и страхом. Страх высасывал из него волю. Он догадывался, кто эти люди за дверью и кем они посланы. А главное, он догадывался — зачем. Конечно, мальчик не слышал тихих звуков, с которыми открывались замки, зато вскоре он почувствовал, что слуги герцога уже проникли в коридор.

После невероятного усилия Саша встал с кровати и дрожащими руками кое-как натянул на себя спортивный костюм. Без костюма он быстро замерзнет — испытания холодом не миновать. Теперь ему надо было поскорее добраться до спальни и разбудить родителей. Как он хотел закричать, предупреждая их о смертельной опасности! Но из его глотки вырывалось только хрипение и шумное дыхание. Он не мог позволить себе такую роскошь и прислонился к холодной стене, пытаясь успокоиться.

Он не видел, как луч карманного фонаря обшаривал гостиную. Затем фонарь погас. «Гости»

не хотели будить спящих хозяев. Началась жуткая и неравная игра в прятки. Двое зрячих мужчин искали слепого и глухонемого мальчика. У него было только одно преимущество: он ощущал их присутствие сквозь стены и в полной темноте.

Он так и не успел предупредить папу и маму. Они были обречены. Их время заканчивалось. Герцог вынес приговор обоим... Саша крался, стараясь бесшумно ступать босыми ногами и огибать твердые контуры предметов. Обстановка квартиры была известна ему до мельчайших подробностей. Сейчас она напоминала лабиринт с тысячами нитей, натянутых повсюду. Каждая «нить» вибрировала с собственной частотой ужаса.

Один из «гостей» вошел в спальню родителей, и мальчик сжался от страшного предчувствия. Второй направился в его комнату. Чтобы не оказаться на пути охотника, Саша скрючился под стулом, и в какой-то момент правая нога мужчины находилась в десятке сантиметров от его лица, искаженного безмолвной мукой...

Враг постоял на пороге, видимо, уверенный в том, что жертва совершенно беззащитна и никуда не денется, потом подошел к кровати, все еще не зажигая света.

Воспользовавшись этим, Саша бесшумно выбрался в коридор, переступая через скрипящие доски паркета. Через несколько секунд «гость»

обнаружил его отсутствие и теперь, настороженный, обшаривал комнату.

Боль поразила слепого мальчика — боль, которая не имела физической причины. Он не мог слышать тихих хлопков выстрелов из пистолета с глушителем и не мог видеть, как кровь заливает белые простыни. Он просто почувствовал, что его мама и папа уже не были спящими и сделались мертвыми. Они исчезли, мигом переместились в неопишемую даль, куда еще не успел дойти свет, родившийся на заре вселенной. Их больше не было рядом, хотя осталась холодеющая плоть. Кто-то вытащил их из черного аквариума пространства, словно пойманных рыб, и они продолжали существовать только в своих сновидениях где-то очень далеко отсюда...

Саша беззвучно открывал рот. Отчаяние запустило горящую ладонь в его внутренности и теперь разрывало их на части цепкими пальцами.

Он сделал шаг в сторону спальни, но сразу же остановился. Теперь там был убийца. И еще смерть. Родителям уже ничем не поможешь. Разве что разделишь их последний сон...

Слезы катились из невидящих глаз. Маленький зверек не мог даже застонать. Ужас погнал его к входной двери.

* * *

Один из убийц окликнул другого.

— Щенка прикончил? — спросил он, убедившись в том, что двое взрослых обитателей квартиры мертвы.

— В комнате его нет. Где он может быть?

— Твою мать! Не знаю! Только здесь. Ищи. Ищи!..

* * *

Саше повезло хотя бы в том, что взломщики не заперли дверь, а только прикрыли ее. Однако он понял, что уже не успеет надеть теплое пальто и ботинки. Малейшее промедление могло погубить его. За секунду до того как в квартире вспыхнул свет, он выскользнул на площадку и устремился вниз по лестнице.

* * *

Спустя минуту полураздетый и босой ребенок выбежал из подъезда в ледяную мартовскую ночь. Не так он представлял себе свой уход из дома — ведь для него началась война, в которой нельзя победить. Если бы не беглец, он мог бы лучше подготовиться к еще неизвестной ему миссии, но не посмел упрекнуть в этом единственное близкое

существо. Он чувствовал бесконечную тоску и нечто худшее, чем обреченность...

Двор был знаком ему неплохо, а дальше начинались неизведанные городские джунгли. Покрытая инеем грязь обжигала и резала его ступни. От прикосновений жестокого ветра кожа покрылась мурашками. Саша дрожал, оказавшись один в предельно враждебном космосе. Тысячи существ спали вокруг в железобетонных коробках, но они были не более чем пассивными свидетелями его личной трагедии. Такими же, как столбы, статуи, деревья...

Слепой мальчик побежал, пытаясь убраться подальше от своего дома. Он едва не наткнулся на машину убийц и отшатнулся, почуяв из запах. Несколько раз он падал в лужи, покрытые тонкой корочкой льда. Под нею была зловонная вода, и это зловоние вскоре насквозь пропитало его костюм. Ткань затвердела и начала похрустывать. Мальчик замерзал.

От пережитого потрясения его дар изменил ему на время. Саша затерялся среди декораций ледяного ада и не знал, где находятся убийцы.

Осмотрев все укромные уголки в квартире, слуги герцога выяснили, что ребенок сбежал. Теперь они искали его во дворе. Лучи фонарей обшаривали кусты и метались по игровым площадкам.

Произошло то, что казалось невероятным. Восьмилетний инвалид исчез.

* * *

...Саша все глубже погружался в городской лабиринт. Задыхаясь, он метался в ущельях улиц, пересекал открытые пространства, по которым мчались металлические гробы, и лишь чудом не нашел свою смерть на дороге. Никто не остановился, чтобы подобрать его. Да он и сам никому не доверился бы...

Саша уже не чувствовал рук и ног. Верхний слой кожи на лице превратился в смерзшуюся маску. Ледяная влага, скопившаяся в волосах, вычерчивала на скальпе линии болезненных уколов.

Где-то — совсем недалеко — рыскала по улицам машина с убийцами. Два конуса ее фар высверливали тьму. Саша знал, что еще ничего не кончено. Скорее, охота только начинается...

Он почуял какой-то островок жизни посреди застывшего мертвого моря. Во всяком случае, там не было бетонных могильников. Только очень много деревьев, а также невероятное количество насекомых и маленьких безопасных существ, покрытых перьями. Но там присутствовало и кое-что другое. Что-то мутное и угрожающее...

Тем не менее это было место, которое вполне

годились для того, чтобы спрятаться от пронизывающих лучей. Лучи били из двух черепов, наполненных червями.

* * *

Родители редко водили сына-инвалида в этот парк, и Саша не узнал его. Деревья спали, еще погруженные в зимнюю апатию. Было бы очень трудно проникнуть в их сны. Некоторые теплокровные твари прятались глубоко под землей, другие охотились на себе подобных. Птицы затаились в ветвях. Мальчик оказался среди робкой и угнетенной жизни.

Он брел по давно заброшенным боковым аллеям. Здесь излучение убийц было неошутимо. На этот раз он спасся. Но что делать дальше? Через несколько часов он мог умереть от переохлаждения.

Кровь по каплям вытекала из порезов на его ногах. Он наступил на собачьи экскременты, потом прошел мимо чьих-то останков на клумбе. У него уже не было мыслей и почти не осталось ощущений. Впереди и повсюду находился полюс холода...

Он продолжал бесцельно двигаться по кругу, натываясь на деревья, — слепой полумертвец, получивший недолгую отсрочку.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Оставшись в квартире Голикова в одиночестве, Ирина попыталась сосредоточиться и подумать о том, как найти выход из создавшегося положения. Но связно думать не получалось. В голове была каша, густо замешанная на страхе. Во всяком случае, она хотя бы понимала, что совершила первую ошибку тогда, когда приняла ухаживания Виктора. Впоследствии она стала его любовницей и в результате не приобрела ничего, кроме позолоченной клетки.

Но внутреннее рабство было еще хуже. Ей приходилось опасаться последствий любого поступка и любого неосторожно брошенного слова. Поэтому весь минувший год она просто плыла по течению — до тех пор, пока не прочла книгу Строкова и в офис издательства не вошел человек, заинтересовавшийся адресом автора...

Ей давно снились очень странные сны. Гораздо более насыщенные событиями, чем дневная летаргия. И все это были кошмары. В них она встречала людей и существ, которых никогда не видела и не могла видеть в жизни. Постепенно она узнала их имена и свойства. Она наблюдала за жесточайшими схватками и поистине чудовищными интригами тех, кто не брезговал ничем ради достижения своих целей. Она

странствовала в других временах. Сновидения постепенно стекались к одной точке, где должно было произойти их окончательное слияние...

То, что случилось с ней прежде в измерении снов, казалось ей лишь прелюдией к грандиозному и всепоглощающему кошмару, от которого она уже не сумеет пробудиться. Ирина еще не поняла, что кошмар начался наяву. Она погружалась в него, как в темное холодное озеро, угадывая во мгле белесые тела других утопленников.

Ее глаза были воспалены; она покачивалась от усталости.

Тем не менее она не смогла уснуть. Болел порез на щеке, хотя Клейн сделал так, что рана больше не кровоточила. Однако демонстрировать обещанные чудеса «нетрадиционной медицины» он не торопился. Ирина знала, что теперь ее обезображенное лицо будет вызывать у мужчин скептическую и виноватую улыбку. Впрочем, есть извращенцы, которых возбуждают шрамы...

Она выпила рюмку водки, оставшейся на столе, и закусила ломтиком лимона. Кислота во рту показалась ей освежающей. Во всяком случае, это было лучше, чем едкий привкус страха...

Она взяла в руки тетрадь Строкова. Записки человека, который УЖЕ плохо кончил. Возможно, нечто подобное вскоре ожидает и ее...

Она открыла дневник и стала читать стихи

больного бедняги, искромсавшего себя ножом,
предназначенным для разделки мяса.

* * *

«...02.10. 13 часов 08 минут — 13 часов 29 минут.

Слова, как души,
летят туда, где их никто не слушает.
Пробил мой час —
и вот наконец возвращаюсь.
Вижу людей, будто темные точки;
знаю, что все ненадолго...
Черная птица чертит над лесом
гигантские круги.
Вижу в небе крест, циферблат...
Это странно, когда услышаны все молитвы.
Знаешь, как быстро уходит из меня
эта — как ее... — радость?
Я слишком долго ел, ел, ел
червивое сердце
мертвого старика...»

* * *

Удар был внезапным и очень сильным. Дверь

распахнулась; задрезали изуродованные замки. Ирина не успела даже вскочить с дивана, не говоря о том, чтобы попытаться спрятаться.

В комнату ворвались двое высоких парней с одинаковым бронзовым загаром, непонятно откуда взявшимся в марте. Они и одеты были не по сезону — в джинсы и майки.

Один из них навалился на Ирину и задушил ее крик ладонью. Потом заломил ей руки назад и связал их за спиной шнуром от торшера, а его напарник заклеил ей рот липкой лентой.

— Смотри-ка, — сказал он. — Эту тварь уже кто-то порезал!

После этого парни принялись расхаживать по комнате, выдвигая ящики, открывая полки и сбрасывая на пол книги.

Того, что им было нужно, они не обнаружили. У Ирины появилось предчувствие, что легко она от них не отделается. И она не ошиблась.

— Ты знаешь, зачем мы пришли, — обратился к ней тот, у которого длинные волосы были собраны в «конский хвост». — Где дискеты?

Он рывком отодрал ленту, давая девушке возможность говорить. К клейкой поверхности прилипли волосы, и от боли Ира заплакала.

— Быстрее, сука, — поторопил ее парень и ударил кулаком в живот.

— Не знаю! — выкрикнула она. — Здесь их

нет.

Парень вернул ленту на место и отправился в кладовку. Через минуту он вышел оттуда с утюгом. Поставил утюг на столик и включил в сеть.

Ирину захлестнула волна черного, безысходного отчаяния. Она знала, что не выдержит пытки. Но, к сожалению, местонахождение дискет было известно ей весьма приблизительно — да и то если Клейну не удалось завладеть ими. Она понимала одно: этих ублюдков послал не Виктор. Тогда кто же? Догадка внушала еще больший страх...

Утюг медленно разогревался, издавая характерное потрескивание. Парень с «хвостом» врубил телевизор и настроил его на канал, по которому транслировали видеоклипы, после чего вывел регулятор громкости в крайнее правое положение. «Мэри... где шипы, там и розы...» — пела Пугачева, но Ирина была слишком напугана, чтобы вникать в смысл слов. Песня казалась ей жуткой какофонией, дополнявшей окружающий хаос.

Пока парни обследовали все доступные места и переворачивали квартиру вверх дном, девушка лежала на диване со связанными руками. Она шумно дышала через нос. Утюг, стоявший поблизости, обдавал ее лицо тошнотворным теплом.